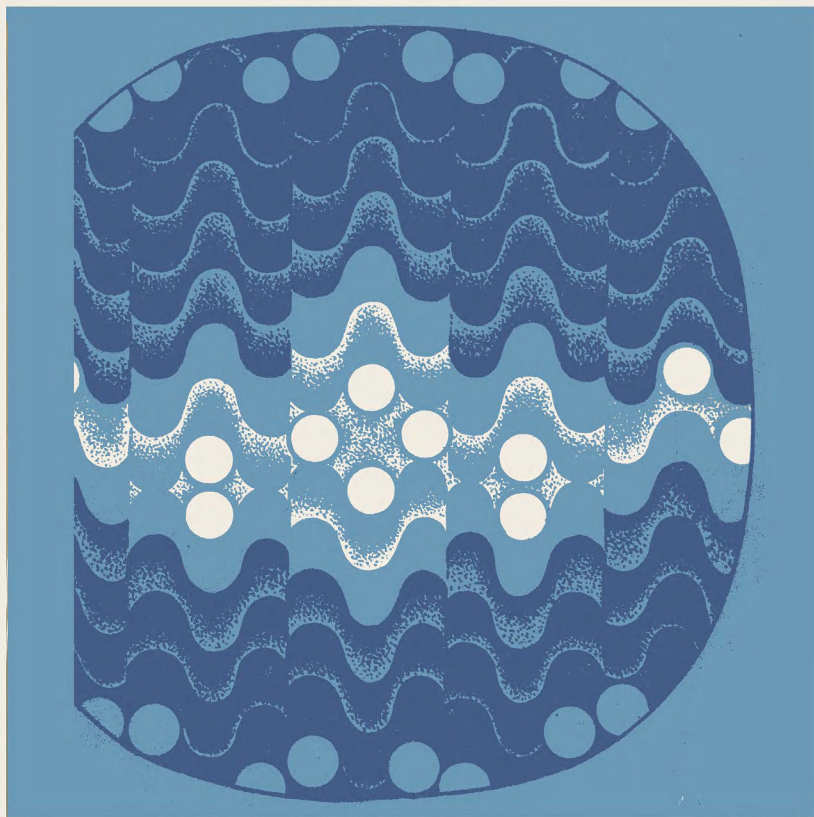

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

А.В.Брушлинский
О ПРИРОДНЫХ
ПРЕДПОСЫЛКАХ
ПСИХИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕКА

СЕРИЯ
БИОЛОГИЯ

11/1977

НОВОЕ
В ЖИЗНИ,
НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

Серия «Биология»
№ 11, 1977 г.
Издается ежемесячно с 1967 г.

А. В. Брушлинский,
кандидат психологических наук

О ПРИРОДНЫХ
ПРЕДПОСЫЛКАХ
ПСИХИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1977

Брушлинский Андрей Владимирович — кандидат психологических наук, руководитель группы по изучению психологии мышления Института психологии Академии наук СССР. Автор серии работ по психологии мышления и по философским проблемам психологии (в частности, по проблеме соотношения природного и социального в психике человека). Опубликовал две монографии: «Культурно-историческая теория мышления» (М., «Высшая школа», 1968) и «Психология мышления и кибернетика» (М., «Мысль», 1970).

Брушлинский А. В.

Б 89 О природных предпосылках психического развития человека. М., «Знание», 1977.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Биология», 11. Издается ежемесячно с 1967 г.)

В брошюре рассматриваются современное состояние и некоторые пути решения очень сложной и во многом дискуссионной проблемы «природных предпосылок психического развития человека». Марксистско-ленинский метод анализа этой проблемы противопоставлен идеалистическим и вульгарно-материалистическим подходам к ней. Особое внимание уделено главному и наиболее дискуссионному вопросу — о роли задатков в психическом развитии человека. Автор предлагает отчасти новую трактовку соотношения психического и физиологического в задатках. Интерес представляет также раскрытие предмета исторической и социальной психологии.

21003

57.022

Исходное и наиболее глубокое понимание личности разрабатывают философия и социология. На этой основе психологическая наука развивает свой специфический подход к изучению личности и прежде всего определяет, какие именно сложные (комплексные) психические свойства человека являются личностными, т. е. наиболее существенными для индивида как личности. К числу таких психических свойств относятся преимущественно *характер* (т. е. система обобщенных побуждений, мотивов) и *способности*. Сами эти психические *свойства* возникают и развиваются на основе соответствующих психических *процессов* (эмоционально-волевых, познавательных и т. д.).

При такой трактовке психологии личности сразу же определяется тот аспект взаимоотношения биологического (вообще природного) и социального, который наиболее значим для понимания личности в психологии. Предметом анализа становится тогда не вся целиком сложнейшая область человеческой биологии, а лишь ее небольшая часть: природные *предпосылки* (1) и физиологические *механизмы* (2) характера и способностей. Но поскольку физиологические, вообще природные механизмы этих наиболее сложных психических свойств еще, по существу, почти неизвестны современной науке, то сфера анализа неизбежно ограничивается в основном природными предпосылками указанных свойств. Имеются в виду преимущественно *задатки* и *влечения*. Что касается многих других свойств нервной системы человека, определяющих типы высшей нервной деятельности, темперамент и т. д., то они — при всей их значительности для понимания человека — также *непосредственно* не относятся к личностной проблематике. Свойства высшей нервной деятельности и ее типы являются

лишь необходимыми, но не *однозначными* условиями формирования сложнейших психических свойств человека.

Таким образом, в данной брошюре подлежат рассмотрению не вообще все психические свойства человека (например, темперамент), а только те из них, которые являются личностными (способности и характер). Более того, эти последние выделяются для анализа не во всех своих аспектах, а лишь в одном — со стороны их природных, органических предпосылок.

Соответственно сужается и сфера социального, которая должна быть рассмотрена в данной связи. Это не вообще все социальное, а только то в нем, что является наиболее общим и существенным в развитии указанных сложных психических свойств человека как личности, поскольку такое психическое развитие так или иначе связано с органическими задатками и влечениями. Иначе говоря, из всей беспредельно широкой проблематики природного — социального здесь в интересах психологии личности выделяется для анализа лишь один из аспектов проблемы способностей и характера.

Объективная необходимость теоретического анализа проблемы

В настоящее время, пожалуй, все исследователи — в той или иной степени и в общей форме — признают, что природные, органические, наследственные, врожденные и т. п. особенности играют определенную роль в психическом развитии человека и, в частности, в развитии его способностей. Следовательно, дальнейшему изучению подлежит уже не этот, а другой — более конкретный — вопрос: имеют ли *существенное, специфическое, необходимое* (хотя и не фатальное) значение непосредственно для формирования способностей наследственные задатки и вообще исходные внутренние условия психического развития ребенка?

Психологи по-разному отвечают на этот важнейший вопрос. Некоторые из них дают на него положительный ответ. Например, по мнению советского психолога Б. М. Теплова, «можно считать безнадежным или почти безнадежным делом воспитать у человека такую способность, задатки для которой у него отсутствуют»¹. Столь резко выраженную точку зрения часто дополняют указанием на то, что, по-видимому, у каждого нормального человека при благоприятных социальных условиях могут быть развиты задатки и способности хотя бы в одной области профессиональной деятельности. Некоторые другие психологи полагают, однако, что природные задатки вовсе не играют сколько-нибудь существенной роли в развитии способностей и вообще личности (см. дальше). Несмотря на указанные различия в трак-

---

¹ Б. М. Теплов. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961, с. 220.

товке органических задатков, психологи (по крайней мере советские) согласны с тем, что выполнение *всех массовых видов человеческой деятельности* в принципе доступно любому человеку, не страдающему органическими дефектами.

Систематическая разработка этой сложнейшей проблемы задатков и способностей постоянно наталкивается на одну очень большую и далеко не всегда осознаваемую трудность. Она состоит в том, что современные генетика, физиология высшей нервной деятельности, психология и другие смежные науки *пока еще* не располагают системой убедительных *эмпирических* (экспериментальных и др.) данных, необходимых и достаточных для строгого доказательства какой-либо четкой точки зрения на сформулированный выше вопрос о роли органических предпосылок в развитии личности. В этом легко убедиться, если рассмотреть хотя бы некоторые из основных аргументов, приводимых обычно в защиту тех или иных взглядов на функцию наследственных задатков в процессе психического развития современного человека. Кратко проанализируем три таких главных аргумента, основанных на результатах прежде всего эмпирических исследований.

1. Взаимосвязь наследственного и приобретенного в психическом развитии человека генетика изучает преимущественно на материале однояйцевых близнецов, которые обладают одинаковой наследственностью. Это единственный случай, когда удастся почти полностью *уравнять* внутренние, наследственные условия развития двух индивидов в его *исходном* пункте. Варьирование внешних воздействий («среды») на фоне вначале неизменных наследственных факторов создает некоторую возможность в итоге выяснить роль именно этих последних (путем сравнения друг с другом однояйцевых и двуйцевых близнецов). Даже в случае различного воспитания однояйцевых близнецов между ними сохраняется, по мнению генетиков, значительное сходство в отношении психических свойств, причем сходство намного большее, нежели при прочих равных условиях между двумя другими людьми, не обладающими одинаковой наследственностью.

Этот вывод относительно существенной роли наследственности в детерминации психических свойств совре-

менного человека дает пока еще самый общий и *лишь предварительный* ответ на вопрос о соотношении наследственного и приобретенного в развитии личности. Недостаточная строгость такого вывода состоит прежде всего в том, что он основан на современных, пока еще не очень убедительных психологических критериях психического развития сравниваемых близнецов. По-видимому, только в будущем — по мере все более глубокой разработки строгой диагностики психического развития человека — наблюдения, эксперименты и другие подобные методы эмпирического исследования однояйцевых близнецов дадут намного более четкий ответ на вопрос о соотношении природного и социального в развитии личности.

2. Аналогичное положение существует и в области эмпирического исследования слепоглухонемых, которое тем не менее иногда рассматривают даже как своего рода новейший *experimentum crucis*, т. е. такой эксперимент, который однозначно решает старую теоретическую проблему природного и социального (это решение состоит в том, что отрицается существенная роль наследственных предпосылок в психическом развитии современного человека). На самом же деле такое изучение слепоглухонемых — при всей его результативности — *пока еще* не может дать *никаких* принципиально существенных фактов для решения интересующей нас проблемы. И причина этого очень проста: современная наука все еще не располагает почти никакими конкретными фактическими знаниями относительно *специфических* наследственных предпосылок (задатков и т. д.), *непосредственно* влияющих на *психическое* развитие и слепоглухонемых, и здоровых людей. Следовательно, нет оснований априорно и полностью отрицать существенную роль таких внутренних исходных предпосылок даже в случае слепоглухонемоты и тем самым объяснять действительно блестящие практические успехи тифлосурдопедагогики исключительно *лишь внешними* (педагогическими) влияниями и воздействиями на слепоглухонемого, которые якобы вовсе не опосредованы наследственными, внутренними условиями. Роль этих последних пока что почти совсем неизвестна и будет раскрыта лишь в ходе дальнейших углубленных исследований, а потому не может отвергаться «с порога».

3. Еще менее определенны и однозначны отдельные случаи «одичания» маленьких детей, долгое время живших среди диких животных (волков), т. е. вне социальных условий. Подобные факты часто приводят тоже в качестве доказательства того, что у новорожденного ребенка нет специфических наследственных предпосылок психического развития (иначе бы они проявлялись и в период его жизни вместе с волками), а потому это развитие якобы целиком детерминировано лишь внешними причинами. На самом же деле из указанных фактов (если они вообще возможны²) следует другой вывод: в отсутствие адекватных внешних воздействий соответствующие внутренние (наследственные и т. д.) условия могут не проявиться и вообще не развиваться. И наоборот, когда такое взаимодействие внешнего и внутреннего *начинается с адекватных* внешних воздействий — в нормальной социальной обстановке, наследственные предпосылки (необходимые, в частности, для овладения речью) проявляются и развиваются в постоянной взаимосвязи с этими воздействиями.

Так, французский психолог Р. Заззо, признающий достоверным известное сообщение об индийской девочке Камале (которая была похищена волками и только в 6- или 7-летнем возрасте попала опять к людям), отмечает, что к моменту своей смерти в 14 лет от уремии эта девочка в результате специального обучения «достигла стадии членораздельной речи»³, научившись произносить и понимать некоторое количество слов. Совершенно очевидно, что даже такое психическое развитие (хотя, конечно, предельно замедленное) возможно только в том случае, когда в период «волчьей» жизни ребенка сохраняются и затем под влиянием людей начинают постепенно проявляться и формироваться именно те внутренние (в частности, наследственные) условия, без которых нормальное развитие ребенка невозможно. Следовательно, сами по себе внешние причины — вне взаимодействия с внутренними условиями — совершенно недостаточны, хотя и необходимы, для психической дея-

² Некоторые специалисты (например, австрийский ученый К. Лоренц) отрицают даже возможность подобных фактов, потому что условия питания и пищеварения младенца несовместимы с его пребыванием в среде волков (см.: «Развитие ребенка». М., 1968, с. 83—85).

³ См.: «Развитие ребенка», с. 83.

тельности. Точно так же сами по себе внутренние условия, вырванные из взаимодействия с внешними причинами, недостаточны — при всей их необходимости — для психического развития. Во всех случаях требуется специфическое взаимодействие внешнего и внутреннего.

Таким образом, эмпирическая, фактическая основа, на которую опираются многочисленные попытки решения проблемы природного и социального в развитии личности, пока еще недостаточна. Весьма многообразные, в целом интересные и плодотворные исследования особенно ярких случаев возможного проявления или непроявления наследственности (у однояйцевых близнецов, у слепоглухонемых, у «одичавших» детей и т. д.) пока не дали сколько-нибудь убедительных *эмпирических* данных для однозначного решения рассматриваемой здесь проблемы, лежащей на стыке генетики, физиологии высшей нервной деятельности, психологии, социологии и т. д. Более того, в силу исключительной сложности самого предмета исследования до сих пор остается очень мало разработанным вообще весь важнейший для нашей темы раздел общей биологии животных и человека — биология *индивидуального* развития (онтогенезис). В этой области, как писал академик Б. Л. Астауров, «биологии развития мы бродим пока в совершенных потемках среди невообразимого множества узанных фактов, частных закономерностей и построенных для них дробных объяснений, не обладая здесь светочем какой-либо достаточно общей теории и все еще взирая на развитие цыпленка в яйце как на подлинное чудо».

Поскольку эмпирических (экспериментальных и т. д.) данных пока еще совершенно недостаточно для углубленного анализа соотношения природного и социального в развитии личности, мы ограничимся поэтому в основном методологическим и теоретическим анализом проблемы.

Природа человека — продукт истории

В методологическом отношении наибольшую значимость имеет для нас известное положение марксистской философии о взаимосвязи природы и человеческой истории, раскрывающее диалектику биологического и соци-

ального: сама *природа* человека есть продукт *истории*. Именно в ходе истории, в процессе той или иной деятельности (общения между людьми), и прежде всего в процессе труда, формируется и развивается человек во всех его природных и любых других качествах. Согласно известной формуле К. Маркса, изменяя внешнюю природу, человек в то же время изменяет свою собственную природу⁴.

Социальное в основе своей — это совместная (прежде всего трудовая) *деятельность* людей в системе исторически определенных (производственных и др.) отношений. Именно в процессе такой деятельности (общения) человек использует и развивает все природные органы своего природного тела. Вот почему, начиная с первых же этапов антропогенеза, в процессе труда и других видов деятельности не возникает дуализма между природным и социальным. Второе не внешне «надстраивается» над первым (исторически первичным), а как бы проникает и внутрь него, так или иначе его видоизменяет, опосредствует, развивает и т. д. Едва ли можно полагать, что этот сложный процесс опосредствования, т. е., по Марксу, изменение человеком своей собственной природы в ходе изменения внешней природы, характеризует лишь далекое прошлое человечества и вовсе не относится к современной и будущей эпохам. Во всяком случае вполне допустимо предположение некоторых антропологов, согласно которому и в настоящее время в той или иной степени продолжается (конечно, под влиянием социальных условий) биологическая эволюция человека.

Методологически важнейший (для нашей темы) марксистский тезис о том, что природа человека есть продукт истории⁵, раскрывает самую суть сложнейшего

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 188.

⁵ Легко документируемый приоритет в систематической разработке психологического аспекта этого важнейшего тезиса принадлежит советской психологии. См.: С. Л. Рубинштейн. Основы психологии. М., 1935, с. 60, 98, 386, 411, 470 и др.; его же. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.—«Советская психотехника», 1934, т. VII, № 1. В указанных и в других исследованиях советского психолога и философа, члена-корреспондента АН СССР лауреата Государственной премии С. Л. Рубинштейна наиболее глубоко разработан этот принципиально важный тезис. Поэтому в дальнейшем мы часто будем ссылаться в первую очередь на его философско-психологические исследования.

взаимоотношения природного и социального в его *наиболее общем* виде, т. е. применительно ко всем уровням и любым формам, в которых выступает это взаимоотношение. В соответствующих конкретных модификациях указанный тезис характеризует не только прошлое, настоящее и будущее человечества, но и «онтогенез» каждого отдельного индивида (от рождения до его смерти) в той или иной конкретно-исторической, классовой обстановке.

Вместе с тем, конечно, существуют весьма значительные различия между антропогенезом, историей человечества и развитием современного ребенка. Антропогенез («детство» человечества) есть очень длительный исторический процесс постепенного превращения *животного* (обезьяньего) стада в *человеческое* общество, осуществляемый в условиях прежде всего трудовой деятельности. В противоположность этому детство в жизни *homo sapiens* есть превращение не животного в человека, а ребенка — во взрослого, т. е. постепенное восхождение на все более высокие ступени и стадии одной и той же, всецело *человеческой* жизни, осуществляемое в условиях игровой, учебной, трудовой и т. п. деятельности. Иначе говоря, новорожденный ребенок — это вовсе не животное или полуживотное, лишь впоследствии становящееся человеком; это именно человек, хотя бы только и начинающий свой жизненный путь.

Таким образом, исторически (и логически) исходное, *первичное* и *всеобщее* отношение между природным и социальным, их органическая развивающаяся взаимосвязь существуют внутри самой деятельности людей, прежде всего в *процессе* труда. Именно в такой совместной деятельности эта всеобщая взаимосвязь выступает совсем непосредственно и очевидно: здесь *организмизм*, человек, личность и *труд* как бы сливаются воедино. В качестве же *вторичного*, *частного* и менее очевидного это развивающееся отношение социального к природному существует, кроме того, в материальных, как бы отчужденных *продуктах* и результатах человеческой деятельности, в каком-то смысле уже оторванных непосредственно от человеческого организма и потому легко противопоставляемых всему природному. Такими продуктами совместной деятельности людей могут стать по крайней мере *некоторые* материальные средства

(или орудия) производства. В качестве примера достаточно привести завод-автомат на котором весь производственный цикл осуществляется без всякого непосредственного участия человека. Если забыть производный (от деятельности) характер подобных «отчужденных» продуктов и в качестве социального рассматривать только их, а природное сводить лишь к внутриорганическим зависимостям, то между тем и другим закономерно образуется непроходимая пропасть.

В результате оказывается неизбежным следующий глубоко ошибочный, но до сих пор удивительно живучий способ рассуждения, насквозь пронизанный дуализмом: природное (в частности, биологическое) — это не социальное, а социальное — это не природное. Полная взаимоисключаемость, несовместимость и рядоположенность того и другого, закрепленные в указанной формуле, выступают особенно отчетливо именно в тех случаях, когда новорожденного ребенка рассматривают в качестве чисто биологического существа или даже в качестве (полу) животного. Тогда изначальная непроходимая грань между социальным и биологическим отчетливо фиксируется как бы и в самом пространстве: все, что вначале находится, грубо говоря, «под кожей» у ребенка, отождествляется попросту с *биологическим* как с *внутренним* или даже с чем-то *животным*; и наоборот, все находящееся «снаружи» рассматривается как *социальное*, отождествляемое с *внешним*. Следовательно, либо то, либо другое, одно полностью исключает другое и отграничено от него даже в пространстве. Этот дуалистический способ рассуждения абсолютно *несовместим* с важнейшим для нас положением о том, что природа человека есть продукт истории. Здесь начинает обнаруживаться диаметрально противоположность обоих подходов к природным предпосылкам личности.

Более того, *внешнее*, дуалистическое, прямо-таки пространственное *противопоставление* социального биологическому усугубляется еще и тем, что последнее отождествлено здесь с *индивидуальным*. Индивидуальное у человека выступает как только биологическое, а не социальное. Эта ошибочная тенденция, идущая, по крайней мере, от французской социологической школы, до сих пор имеет очень широкое распространение. Она проявляется прежде всего в том, что в человеке, в лич-

ности выделяют два начала: 1) природное, в частности биологическое (часто сводимое к животному) и 2) социальное (часто называемое собственно человеческим), причем второе постепенно, хотя и не всегда до конца, как бы *вытесняет* первое.

Именно такой неискоренимый дуализм и антагонизм двух факторов составляют основу фрейдизма. С точки зрения австрийского врача и психолога З. Фрейда, биологическое, по существу, животное начало в человеке (выступающее прежде всего в качестве сексуального) находится в неустранимом противоречии с социальным, с эстетическим и т. д. Фрейд прямо исходит из того принципиально важного положения, что, в частности, «гениталии не проделали вместе со всем человеческим телом развития в сторону эстетического совершенствования, они остались животными, и поэтому любовь в основе своей и теперь настолько же животна, какой она была испокон веков»⁶. Так, полный разрыв между социальным и биологическим прочно закрепляется неправомерным отождествлением последнего с животным.

На самом же деле «биологическое и социальное не являются самодовлеющими факторами, каждый из которых имел бы *самостоятельное представительство в психике* человека. В характере человека нет свойств, которые были бы однозначно определены биологическими особенностями его организма, безотносительно к той социальной ситуации, в которой человек развивается, как нет в нем и реально отдельных компонентов, которые были бы однозначно определены социальными отношениями в абстрактном отрыве от биологических особенностей данного конкретного индивидуума»⁷. Только при таком понимании характера и всех других личностных психических свойств можно преодолеть фрейдистский дуализм биологического и социального, и прежде всего неправомерное отождествление у человека биологического с животным.

Это ошибочное сведение у человека биологического (вообще природного) к животному или хотя бы только

---

⁶ З. Фрейд. Очерки по психологии сексуальности. М., П., 1924, с. 165.

⁷ С. Л. Рубинштейн. Основы психологии, с. 470 (курсив мой. — А. Б.).

к внутреннему и индивидуальному может привести к тому, что человеческий индивид вовсе выпадает тогда из сферы социального. Например, часто говорят, что непослушание, грубость, эгоизм и другие антиобщественные поступки детей и взрослых могут способствовать формированию у них «порочных, асоциальных» качеств личности. Получается, что эти индивиды вообще выходят за рамки социального. При таком подходе к проблеме *индивидуальное* у человека неправомерно отождествляется с чисто биологическим, *индивидуалистическим* и т. д., а социальное в результате сводится лишь к коллективному. Тогда индивид, рассматриваемый вне прямой и *непосредственной* связи с данным коллективом, становится попросту несоциальным. На самом же деле социальны не только коллектив, та или иная общественная группа и т. д.; социален также и *любой* индивид независимо от того, как *конкретно* складываются его взаимоотношения с другими людьми, группами и т. д. При любых взаимоотношениях общественного, коллективного и индивидуального, личного последнее никогда не выпадает из сферы социального⁸.

Таким образом, при дуалистическом подходе к соотношению биологического и социального отождествление первого с внутренним или даже животным или индивидуальным вовсе отрывает его от социального, которое в результате столь же ошибочно сводится лишь к внешнему или только коллективному. Этот порочный дуализм, существующий в различных вариантах и до сих пор широко распространенный в науке, может быть в итоге кратко выражен двумя следующими формулами (или рядами взаимных ошибочных отождествлений):

биологическое	=	животное	=	внутреннее	=	индивидуальное;
социальное	=	человеческое	=	внешнее	=	коллективное.

Для того чтобы преодолеть дуализм каждой из четырех пар указанных категорий, и необходимо прежде всего раскрыть природу человека в качестве продукта истории, в процессе которой эта природа проделала определенную эволюцию. В ходе такой длительной (и,

---

⁸ Подробнее см.: А. В. Брушлинский. Культурно-историческая теория мышления. М., 1963, с. 15, 95—99 и др.

возможно, еще не законченной) эволюции биологическое в человеке опосредствуется социальным. Насколько социальное «пронизывает» природу человека, убедительно можно показать на примере физиологических «механизмов» речи. Понятие «второй сигнальной системы» (разработанное в физиологии еще очень мало) конкретно фиксирует *социальную* опосредствованность *природной*, естественной деятельности мозга. Для человека и слово является «раздражителем», обуславливающим не только мыслительную деятельность, но и жизнь всего организма: оно иногда может быть даже сильнее «первосигнального» раздражителя. Например, известные эксперименты К. М. Быкова и А. Т. Пшоники показали, что если прикладывать к руке нагретую пластинку, но говорить испытуемому «холод», то при строго определенных условиях (степень выработки соответствующих условных связей и т. д.) объективно регистрируемые сосудистые реакции испытуемого будут детерминироваться словесным, а не первосигнальным раздражителем.

Однако и в данном случае такое опосредствование естественного, биологического социальным не означает подавления, замены или *вытеснения* первого вторым. Сложнейшие взаимоотношения между ними нельзя *сводить* к вытеснению или к антагонизму даже в антропогенезе, а тем более на последующих стадиях развития. Поэтому, на наш взгляд, является односторонней такая постановка рассматриваемого здесь вопроса, согласно которой «вторая сигнальная система должна была *прежде всего подавлять* все эти *естественные* мотивы поведения в индивидуальном организме, иначе нельзя было бы заменить их другими»⁹, т. е. второсигнальными, специфически человеческими.

В действительности же никогда не бывает так, чтобы в ходе *развития* происходило подавление или вытеснение предыдущей стадии процесса и потом как бы на *пустом* месте возникала заменяющая ее следующая стадия. Подобное нарушение преемственности делает невозможным развитие. Только тогда и появляется вышеупомянутый неадекватный способ рассуждения: биологическое — это не социальное, а социальное — это не биологическое; одно полностью исключает и вытесняет дру-

---

⁹ Б. Ф. Поршнев. Контрсуггестия и история. — В сб.: «История и психология». М., 1971, с. 14 (курсив мой. — А. Б.).

гое. На самом деле, ложная альтернатива между тем и другим исчезает, а преемственность восстанавливается, если иметь в виду, что природа человека есть продукт истории.

Только такое понимание человеческой природы как продукта социального развития дает возможность преодолеть обе крайние, внешне противоположные друг другу, но одинаково ошибочные точки зрения на основные органические условия психического развития современного человека. Согласно первой точке зрения, как мы уже видели, новорожденный ребенок есть животное или полуживотное, а все человеческое, социальное появляется в нем лишь на последующих стадиях развития. Согласно второй точке зрения современный человек с самого начала есть существо исключительно социальное, а природное, биологическое, органическое в нем сводится или сведено на нет. В обоих этих случаях общей, хотя и не всегда осознанной предпосылкой рассуждения является ошибочное отождествление биологического и животного.

На самом же деле в человеке и даже в личности никогда *не исчезает* биологическое, вообще природное. На любом этапе своего развития личность всегда является природным существом, а потому подчиняется также и биологическим закономерностям. Отнюдь не отсутствие биологического отличает ее от животного. Биологическое, природное *есть* и в человеке, и в животном, но в обоих этих случаях оно существенно *разное*, поскольку человеческая биология опосредствована социальным.

О наследственных предпосылках психического развития личности

На основе исходного положения о природе человека как продукте истории подробно рассмотрим теперь важнейший для нашей темы вопрос о роли наследственных предпосылок непосредственно в психическом развитии человека. Эту проблему систематически изучают в русле различных философско-психологических теорий. Любая теория есть глубоко содержательное обобщение какой-либо значительной области действительности. Ясно, что

такие теории создаются обычно в ходе длительных исследований, продолжающихся в течение многих лет или даже нескольких десятилетий. Полученные в результате теоретические положения в силу своей большой общности и обоснованности также очень долго «живут» потом в науке, сохраняя свою актуальность и оставаясь вполне современными в течение длительного периода.

Применительно к нашей теме это означает, что необходимо прежде всего учесть наиболее разработанные, актуальные и влиятельные теории, определяющие на сегодня основные пути психологических исследований способностей и других аспектов личности. Эти теории тоже, конечно, создавались и создаются на протяжении не одного десятилетия. Будучи до сих пор наиболее существенными, интересными и тщательно разработанными, они имеют огромное влияние и сохраняют его до того времени, пока не появятся новые столь же систематически развитые концепции, которые смогут преодолеть или значительно дополнить ныне существующие. Согласно почти общепризнанной точке зрения к числу таких современных, самых актуальных и влиятельных концепций принадлежат прежде всего важнейшие, хотя и во многом различные теории, созданные советскими психологами С. Л. Рубинштейном, Б. М. Тепловым, А. Н. Леонтьевым и их учениками, а также швейцарским психологом Ж. Пиаже. Именно эти теоретические системы и должны быть в первую очередь учтены в ходе нашего анализа, поскольку в них с предельной отчетливостью и очень детально раскрывается соотношение природного и социального в развитии личности (особенно способностей).

На самых ранних этапах онтогенетического, сначала пренатального (внутриутробного) развития человека природное выступает прежде всего в качестве *внутренних условий* такого развития. К этим условиям относятся, в частности, наследственные и врожденные задатки будущих способностей данного индивида. Различие между *наследственным* и *врожденным* состоит, как известно, в следующем. Первое из них есть то, что передается индивиду от его предков посредством определенных органических механизмов; оно не обязательно выступает уже оформившимся к моменту рождения (например, наследственно обусловленные изменения, связан-

ные с половым созреванием, обнаруживаются через много лет после рождения ребенка). И наоборот, врожденное — это то, что уже имеется к моменту рождения; оно обусловлено предшествующим ходом эмбрионального и вообще пренатального развития будущей личности, а не одной лишь изолированно взятой наследственностью. Следовательно, врожденное как бы аккумулирует в себе особенности пренатальной жизни данного индивида.

Все внутренние условия психического развития (в том числе наследственные и врожденные) всегда и непрерывно взаимосвязаны с различными внешними воздействиями, которые окружающий мир (в качестве раздражителей, сигналов, других людей, объектов и т. д.) оказывает на данного индивида. В настоящее время, пожалуй, все психологи признают в общей форме, что именно такое взаимодействие внешнего и внутреннего составляет детерминацию психического развития. Однако конкретное соотношение внешнего и внутреннего понимается по-разному различными исследователями. Та или иная трактовка этого конкретного соотношения образует соответствующий принцип детерминизма.

Многие советские психологи (С. Л. Рубинштейн, Г. С. Костюк, Б. М. Теплов, А. А. Смирнов, А. С. Прангишвили, Е. В. Шорохова, Б. Ф. Ломов, Н. А. Менчинская, К. К. Платонов и другие) разрабатывают и используют следующий и, на наш взгляд, наиболее адекватный принцип детерминизма: внешние причины действуют опосредствованно *через* внутренние условия. Иногда эту формулу выражают совсем кратко и предельно точно: внешнее *через* внутреннее. Всякое действие есть *взаимодействие*, и потому эффект воздействия одного явления на другое зависит не только от первого из них, но и от второго. Внутренние условия, которыми в каждый данный момент как бы опосредствуются воздействия на личность, в свою очередь формировались в зависимости от предшествующих внешних влияний. В результате психологический эффект каждого внешнего (в том числе педагогического) воздействия на личность обусловлен историей ее развития.

Применительно к проблеме наследственности вышеизложенный принцип детерминизма означает прежде всего, что *на каждом* этапе психического развития внеш-

ние и внутренние его условия взаимодействуют по формуле: внешнее через внутреннее. Это относится и к исходному этапу развития, в частности, уже к первым минутам жизни новорожденного ребенка. В данном случае в состав внутренних условий входит, например, общая чувствительность, т. е. способность (в широком смысле слова) к ощущениям, восприятиям и т. д., включая и так называемые безусловнорефлекторные компоненты и, в частности, наследственные и (или) врожденные задатки. Следовательно, с самого начала все внешние влияния окружающего мира (раздражителей, людей, объектов и т. д.) действуют на младенца только опосредствованно — *через* эти уже имеющиеся и развивающиеся дальше внутренние условия.

Лишь при таком понимании детерминизма можно преодолеть широко распространенную у нас (полу)механистическую точку зрения, согласно которой на *первых* этапах детского развития, по существу, еще якобы нет никаких специфически человеческих внутренних условий, и потому внешние воздействия прямо и непосредственно влияют на ребенка, вовсе не опосредствуясь его специфическими особенностями. Такой точки зрения, по сути дела, придерживается, например, советский психолог Л. И. Божович. По ее словам, вначале ребенок есть грандиозное *реактивное* образование, *приспосабливающееся* к внешним требованиям окружающей среды. Иначе говоря, это пассивное, а не активное существо. Лишь на последующих стадиях развития личность (ребенка) постепенно начинает освобождаться от *непосредственного* влияния внешней среды. Но, «первоначально, когда у ребенка еще нет развернутой речи и развернутой системы представлений, он целиком зависит от тех внешних воздействий, которые идут от окружающей его среды»¹⁰. В общем и целом Л. И. Божович признает и даже считает аксиоматичным, что внешние причины действуют через внутренние условия. Преимущественно с таких позиций проведено ее интересное и содержательное исследование личности (хотя оно абстрагируется почему-то от проблемы полового созревания). Однако этот принцип детерминизма автор не распрост-

---

¹⁰ См.: Л. И. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968, с. 229, 410, 438—439 и др.

раняет на первые этапы психического развития современного человека.

Еще более ошибочна противоположная — идеалистическая — точка зрения, идущая, в частности, от ранних работ Ж. Пиаже и оказавшая в свое время большое влияние на некоторых советских психологов. Она утверждает, что в первые годы жизни ребенка его психическое развитие осуществляется в порядке лишь спонтанного, только изнутри детерминированного органического созревания, на которое бессильны сколько-нибудь серьезно повлиять любые внешние воздействия. Лишь на последующих этапах его жизни такое влияние внешних причин становится в той или иной степени возможным.

Обе эти теории (механистическая и идеалистическая), широко распространенные в современной психологии, могут быть преодолены только с позиций принципа детерминизма, согласно которому, как мы видели, внешние причины всегда и на всех стадиях развития действуют лишь через внутренние условия. На разных возрастных этапах наиболее эффективны и специфичны соответственно разные внешние и внутренние условия, но непрерывная развивающаяся взаимосвязь внешнего и внутреннего осуществляется на всех без исключения (хотя и очень различных) этапах психического развития современного человека.

При таком понимании детерминации явлений преодолевается и эклектическая теория двух факторов, которая признает рядоположность внешнего (социального) и внутреннего (биологического). Эта рядоположность сохраняется, например, во многих обобщающих формулировках американского психолога Д. Брунера (хотя некоторые его менее общие выводы и полученные в экспериментах новые факты во многом правильны). Д. Брунер прямо пишет: «Мы придерживаемся взгляда, согласно которому познавательное развитие во всех своих проявлениях происходит в направлении извне вовнутрь в *той же* степени, как и изнутри вовне». Под внешним он понимает прежде всего влияние на индивида культуры общества, а под внутренним, — в частности, наследственность, определяемую биологической эволюцией, которая привела к выделению людей из мира животных. Роль такой наследственности более конкретно характеризуется, к примеру, следующим образом: «Трудно

устоять против искушения поверить настояниям многих современных исследователей лингвистики, утверждающих, что язык представляет собой *врожденную структуру*, коренящуюся *во врожденных «идеях»*, которые постепенно дифференцируются, превращаясь в грамматические правила»¹¹. При таком понимании детерминации психического развития, конечно, правильно подчеркивается в общей форме, что надо учитывать и внешние и внутренние условия, в которых развивается личность. Действительно, нужно учесть и то и другое, но этого еще совершенно недостаточно. Необходимо затем более конкретно выявить реальное соотношение внешнего и внутреннего, не ограничиваясь (как получилось у Д. Брунера) констатацией их простой рядоположности, однопорядковости, соподчиненности, равноправности и т. д.

На самом же деле такой рядоположности и дуализма двух факторов не существует, поскольку внешние причины действуют *через* внутренние условия. В отношении психического развития *специфика* внешнего заключается, кроме того, еще и в том принципиально важном, но часто неучитываемом обстоятельстве, что «психические явления *возникают* в процессе *взаимодействия* индивида с внешним миром, которое *начинается* с внешнего воздействия...»¹². Здесь особенно отчетливо выступает исключительная роль раздражителя, объекта, другого индивида и вообще окружающего мира в детерминации психики. Иначе говоря, недостаточно просто иметь в виду бесспорный факт постоянного взаимодействия внешнего и внутреннего; нужно еще учитывать, что взаимодействие индивида с внешним миром *начинается* воздействием второго на первого, всегда осуществляясь по принципу «внешнее через внутреннее» (через задатки и т. д.). Лишь в этом случае сохраняется существенное *различие* между внешним и внутренним, исключающее их *рядоположность*. Отмеченное исходное различие отнюдь не исчезает, а лишь маскируется в ходе действительно непрерывного *взаимодействия* внешнего и внутреннего. При этом то и другое образуют *единый* разви-

---

¹¹ Сб. «Исследования развития познавательной деятельности». Под ред. Д. Брунера и др. М., 1971, с. 26, 76 и др. (курсив мой. — А. Б.).

¹² С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, с. 9, 227 (курсив мой. — А. Б.).

вающийся процесс: сама подверженность тем или иным внешним воздействиям обусловлена внутренними условиями, существенными специфическими особенностями того, на кого оказывается воздействие. Следовательно, поведение и деятельность не есть ответ (реакция и т. д.) на внешнее воздействие; последнее опосредствуется непрерывно усложняющейся и развивающейся системой внутренних условий.

Внутренние условия — это не только состояние, но и процесс, в ходе которого внутренние условия изменяются, а значит, изменяются и возможности внешних влияний. Например, в процессе мышления дальнейшее продвижение анализа решаемой задачи позволяет использовать все новые «подсказки» извне, все новые данные, теоремы, знания и т. д. Новые результаты, полученные в ходе мышления и включенные в дальнейший процесс, изменяют внутренние условия его протекания; тем самым опять открывается возможность новых воздействий на процесс и т. д.

Непрерывные изменения, динамика, формирование и развитие характерны для психических явлений *больше*, чем для *любых* других. И потому *процесс* есть *основной* способ существования психического, а психическое как процесс составляет предмет психологической науки. Это означает прежде всего, что необходимо — исходя из внешних результатов деятельности — вскрыть внутренний, специфический процесс, который к ним приводит. В настоящее время в советской психологической науке разрабатываются различные подходы к изучению психического как процесса. Главное различие между ними связано именно с разными трактовками соотношения внешних и внутренних (прежде всего наследственных) условий, определяющих функционирование и развитие такого процесса. Этот аспект наследственности закономерно оказался главным предметом исследования и дискуссии между советскими психологами и философами, начавшейся на рубеже 50—60-х годов и в разных формах продолжающейся до сих пор¹³. Рассмотрим теперь основные итоги этих исследований.

---

¹³ См.: статьи А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Д. И. Дубровского, Э. В. Ильенкова, П. Н. Федосеева, Б. Ф. Ломова и многих других в журналах «Вопросы психологии» (1960, № 1, 3 и 6); «Вопросы философии» (1968, № 8 и 11;

Начиная примерно с середины 50-х годов и до сих пор А. Н. Леонтьев разрабатывает два принципиально важных теоретических положения, которые наряду с другими определяют его тщательно выполненные экспериментальные исследования психических свойств, процессов, способностей и т. д. у человека. Первое из этих положений справедливо утверждает, что в изучении способностей необходимо сейчас идти от анализа природы человеческих способностей в их общем и простейшем выражении к анализу случаев их высшего развития у отдельных людей, т. е. исследование должно осуществляться в направлении от простого к сложному (а не наоборот). Согласно второму исходному положению «все психические свойства и процессы человека представляют собой продукт динамических, прижизненно складывающихся систем мозговых связей — условных рефлексов»¹⁴.

Первый из этих двух тезисов разрабатывают и многие другие советские психологи. Например, С. Л. Рубинштейн также отмечает, что нельзя отрывать рассмотрение выдающихся индивидуальных способностей от изучения «родовых» (по Марксу) свойств, общих всем людям. Второй тезис сразу же был дополнен следующим образом: не точно исходить только из мысли, что все психические свойства и процессы человека являются *лишь* продуктом *прижизненно* складывающихся систем мозговых связей — *условных* рефлексов: «надо учитывать и их безусловно-рефлекторную основу»¹⁵, т. е. наследственные и врожденные предпосылки, входящие в состав исходных внутренних условий психического развития личности. Именно здесь находится самый чувствительный пункт рассматриваемой проблемы природного и социального. Проанализируем его более детально.

1969, № 3; 1970, № 7—9; 1971, № 12; 1972, № 9; 1976, № 3 и 4). Наиболее существенные итоги этой дискуссии подведены в следующих сборниках: «Личность» (М., 1971); «Соотношение биологического и социального в человеке» (М., 1975); «Биологическое и социальное в развитии человека» (М., 1977).

¹⁴ А. Н. Леонтьев. Природа и формирование психических свойств и процессов человека. — «Вопросы психологии», 1955, № 1, с. 29.

¹⁵ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, с. 288—289.

Наряду с различными другими подходами к этой проблеме в современной психологии разрабатывается точка зрения, согласно которой необходимо различать *у человека* два рода способностей: во-первых, *природные*, естественные, в основе своей биологические и, во-вторых, *специфически человеческие*, высшие, общественно-исторические по происхождению. В первом случае имеется в виду, в частности, способность быстро образовывать и дифференцировать условные связи. Многие из этих способностей являются общими у человека и у высших животных. Такого рода способности непосредственно связаны с врожденными *задатками* и формируются на их основе лишь в ходе *деятельности*. Следовательно, здесь уже и для ранних этапов жизни индивида признается необходимость изначального взаимодействия внешних и внутренних (в частности, врожденных) условий психического развития.

Принципиально иначе теми же авторами понимается детерминация способностей второго рода, т. е. высших, специфически человеческих (речевых, музыкальных, конструкторских и т. д.). Главное отличие состоит в том, что в их развитии исходные внутренние условия — прежде всего наследственные задатки — непосредственно не играют специфической роли, и потому вначале детерминация осуществляется лишь извне. Высшие способности — *лишь* прижизненно формирующиеся образования. Иначе говоря, взаимодействие внешних и внутренних условий начинается не в исходном пункте психического развития будущей личности, а только на последующих этапах ее жизни, когда под влиянием внешних воздействий возникают и развиваются эти внутренние условия. Таково принципиальное отличие способностей второго рода от природных, связанных с задатками способностей.

Прижизненное лишь формирование специфически человеческих, высших способностей осуществляется в процессе присвоения индивидом общественно-исторического опыта предшествующих поколений людей. «Этот опыт,— пишет А. Н. Леонтьев,— лежит не в наследственной организации человека, не внутри, а вовне — во внешнем объективном мире... Этот мир — мир промышленности, наук и искусств — выражает в себе подлинно человеческую природу, итог ее общественно-историче-

ского преобразования: *он и несет в себе человеку — человеческое*¹⁶. Иначе говоря, изначально человеческим, «несущим» человеческое здесь признается мир человеческих вещей, но никак не «наследственная организация» индивида. Такая альтернатива между ними («не внутри, а вовне») означает, что только внешний мир человеческих объектов, предметов и вещей является специфически человеческим. Следовательно, лишь *внешние* условия психического развития индивида оказываются вначале социальными, человеческими и т. д. Наследственные же, *внутренние* исходные условия на первых этапах вовсе не несут в себе ничего специфически человеческого, оставаясь сначала чисто биологическими, не социальными.

Иной подход к той же проблеме разработали С. Л. Рубинштейн и его ученики. Развитие личности и ее способностей, бесспорно, принципиально отличается от развития животных. Результаты человеческой деятельности откладываются в виде объективированных продуктов, цементирующих преемственность исторического развития человечества и опосредствующих индивидуальное развитие детей. «Из этого не следует, однако, что можно — продолжая, по-видимому, концепцию натурального и культурного развития — самые способности человека расщепить на естественные, природные (биологические!) и собственно человеческие — общественные и, признав внутреннюю обусловленность и развитие «по спирали» для первых, в отношении вторых выдвигать лишь детерминацию извне. Вся концепция детерминации способностей извне, извлечения их из объектов, в которых они депонированы, имеет своей предпосылкой именно это признание... двойственной природы человека, якобы распадающейся и складывающейся из двух обособленных чужеродных частей»¹⁷. Без этой предпосылки для единых, нерасколотых надвое способностей представление о том, что способности человека строятся *лишь* извне, было бы, очевидно, несостоятельным. Но и сама эта предпосылка не может улучшить дела, так как трудно защищать мысль о наличии у че-

---

¹⁶ А. Н. Леонтьев. О формировании способностей. — «Вопросы психологии», 1960, № 1, с. 11.

¹⁷ С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 224.

ловека человеческих («истинно» человеческих) и нечеловеческих способностей. «В человеке — если он и в самом деле человек — все человечесно»¹⁸. Так, на основе рассмотренного выше тезиса, согласно которому природа человека есть продукт истории, снимается дуализм биологического и социального.

Советский психолог Г. С. Костюк тоже не соглашается с тем, что необходимо разделять способности человека на природные и высшие, специфически человеческие¹⁹. Он справедливо полагает, что в своих специфически человеческих способностях личность не перестает быть природным существом.

Несмотря на такую критику, до сих пор довольно широко распространена теория, разделяющая способности и вообще все психические свойства и процессы человека на две группы: 1) природные и 2) высшие, специфически человеческие²⁰.

В ряде случаев эта теория приводит к выводу, что усвоение общественно-исторического опыта представляет собой процесс очеловечивания психики ребенка, или ее гоминизацию. Очеловечить можно лишь то, что изначально ни в какой степени не является человеческим. Следовательно, необходимость гоминизации означает, что новорожденный ребенок даже в минимальной степени не является еще человеком (оставаясь, по-видимому, животным или полуживотным). Логика рассматриваемой здесь теории *вопреки* желанию ее авторов заставляет прийти к этому заключению.

Если в наследственных задатках и вообще во внутренних условиях развития младенца нет ничего специфически человеческого, социального и т. д., которое затем привносится *лишь извне*, и если новорожденный появляется на свет, имея задатки только к чисто био-

---

¹⁸ С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 224.

¹⁹ См. Г. С. Костюк. Психологические вопросы соединения обучения с производительным трудом. — «Вопросы психологии», 1960, № 6, с. 14; см. также его статью «Принцип развития в психологии». — В сб.: «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969.

²⁰ Как уже отмечалось, например, Л. И. Божович, по существу, исходит из той же теории. По ее мнению, «подлинно человеческий» этап развития психики начинается не с момента рождения ребенка, а лишь на последующих стадиях его жизни.

логическим, не специфически человеческим способностям (см. выше), то неизбежно оказывается, что он действительно рождается не человеком, а кем-то вроде животного. И тогда критикуемое нами исходное деление психических свойств человека на 1) специфически человеческие, высшие и 2) природные, низшие, биологические выводит последние за пределы человеческого. Не удивительно, что связь и преемственность между ними в ходе развития ребенка невозможны.

Эти две группы психических свойств нельзя связать друг с другом в единстве целостного развития личности, поскольку, как уже отмечалось, они детерминированы принципиально различными закономерностями. Природные психические способности, связанные с врожденными задатками, с самого начала развиваются на основе непрерывного взаимодействия внешних и внутренних условий. И наоборот, специфически человеческие, высшие способности непосредственно не связанные с наследственными задатками²¹ и другими внутренними условиями своего развития, вначале подчинены лишь внешней детерминации, вовсе не опосредствованной специфическими особенностями индивида. Тогда формирование математических, логических и других высших способностей имеет форму лишь усвоения исторически выработанных операций и происходит путем интериоризации, т. е. преобразования первоначально строящихся вовне процессов во внутренние функции — способности.

В этом случае (критикует данную точку зрения С. Л. Рубинштейн) способности к математике, языкам и т. д. возникают *только* в результате усвоения операций, в результате обучения. В самих индивидах нет якобы ничего, никаких внутренних условий, в силу которых обучение у одних идет легче, успешнее, чем у других; так игнорируется исходная общая зависимость обучения от обучаемости, от предпосылок, лежащих в субъекте обучения. «Все как будто идет только от объекта, извне и лишь интериоризация внешнего запол-

---

²¹ Эту точку зрения Б. М. Теплов квалифицировал как «анти-биологизм» и подверг ее, на наш взгляд, справедливой критике (см.: Б. М. Теплов. Комментарии к книге А. Анастаси «Дифференциальная психология». — В сб.: «Проблемы дифференциальной психофизиологии», т. VI, 1969, с. 324, 329, 339 и др.).

няет внутреннюю пустоту. В результате обучения... возникают внутренние предпосылки для дальнейшего обучения, но первоначально — по логике этой концепции — обучение не имеет никаких исходных внутренних предпосылок в индивидууме... На самом деле в процессе обучения и усвоения способности развиваются и специфицируются, но в неразвитой и общей форме — они образуют и исходные предпосылки обучения и усвоения»²². Эту позицию С. Л. Рубинштейна поддержали и некоторые другие психологи²³.

Приходится, конечно, учитывать, что исключение внутреннего (в частности, наследственного) из *начальных* условий психического развития открывает заманчивую возможность выводить и исследовать психическое исходя *непосредственно* из закономерностей того предметного содержания, того внешнего «стимула», объекта и т. д., с которым в данный момент имеет дело субъект. Например, чтобы изучить психическую (познавательную) деятельность человека, решающего, скажем, физическую проблему, оказывается *достаточным* — с такой точки зрения — выяснить лишь закономерности соответствующего предметного (физического) содержания этой проблемы и из него вытекающую логику ее решения. Иначе говоря, обращаться — в исходном пункте — к изучению самого человека в его деятельности при этом не требуется. На него потом, вторично, задним числом переносятся закономерности, выведенные *непосредственно* из такого предметного содержания. Никакого опосредствования внешнего внутренним здесь нет. Внешние причины действуют тогда чисто механически — не через внутренние условия.

Во всех случаях изначального исключения внутренних (в частности, врожденных) условий психического развития личности исчезает всякий объективный *крите-*

---

²² С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии, с. 223.

²³ См., например, Я. А. Пономарев. Знания, мышление и умственное развитие. М., 1967, с. 108—111; В. А. Крутецкий. Психология математических способностей школьников. М., 1968; с. 77—78; К. А. Славская. Мысль в действии. М., 1968, с. 186—194; сб. «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969, Е. А. Будилова. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972, с. 315 и др.; сб. «Теоретические проблемы психологии личности». М., 1974; Н. Н. Поддьяков. Мышление дошкольника. М., 1977, с. 13 и др.

рий психического и ликвидируется психологическая реальность. Такая концепция, как мы видели, толкает на выведение психического исходя только из внешних условий (вначале не взаимодействующих с внутренними) т. е. *непосредственно* исходя из объекта, из содержания лишь данного предмета и т. д. Тем самым уже в исходном пункте развития внешние условия оторваны от внутренних, в результате психическое оторвано от человека, от людей, от внутренних, специфических условий человеческой деятельности. Именно люди (и часть животных), производящие и потребляющие различные материальные продукты, — а не сами *по себе* вещи, предметы и т. д. — являются *единственным* носителем психического, единственным субъектом деятельности.

При этом, разумеется, надо учитывать, что совершенно бесперспективна и другая, идеалистическая точка зрения, согласно которой критерий психического содержится только в указанных внутренних условиях (см. выше). На самом деле этот критерий — вполне объективный — надо искать именно в процессе взаимодействия внешних и внутренних условий деятельности, осуществляющегося по принципу: внешние причины действуют через внутренние условия. Но, как мы и пытались показать, от такого взаимодействия, т. е. от такого процесса, ничего не останется, если изъять (хотя бы только вначале) внутренние — в частности, наследственные — условия. *Не с чем* будет взаимодействовать! Не останется тогда и критерия психического, вообще исчезнет психологическая реальность.

Таким образом, все приведенные выше теоретические аргументы заставляют нас сделать общий вывод, что психическое развитие современного человека всегда (в частности, с момента рождения) детерминировано внешними причинами, непрерывно и с самого же начала взаимодействующими с внутренними изменяющимися условиями его деятельности. В состав этих последних входят также наследственные и (или) врожденные задатки, которые играют существенную (но не фатальную!) роль в развитии и формировании личности на основе ее деятельности. Отрицание наследственных, вообще внутренних предпосылок психического развития личности приводит, как мы видели, к отрицанию психологической реальности. Вот почему *единственная* аль-

тернатива, которая действительно выражает суть обсуждаемой проблемы и подлежит дальнейшему изучению, сводится к следующему: или признание исходных внутренних предпосылок психического развития индивида (всегда, конечно, взаимодействующих с внешними причинами), или же исчезновение, отрицание психологической реальности. Так, с нашей точки зрения, доказываются объективная необходимость и реальное существование наследственных, врожденных задатков психического развития личности.

Если, как мы видели, в трактовке этих *задатков* пока еще сохраняются тем не менее определенные различия между наиболее разработанными психологическими теориями, то в отношении понимания *деятельности* (труда, учебы, игры и т. д.) как необходимого фактора в развитии личности все современные советские психологи едины. Давно уже стало общепризнанным, что формирование и развитие всех психических явлений, свойств и т. д. осуществляются в ходе деятельности. Совместная, исторически развивающаяся деятельность людей (первично всегда практическая) обуславливает формирование их сознания и вообще всех психических процессов, а эти последние, осуществляя регуляцию человеческой деятельности, являются условием ее адекватного выполнения. Так вкратце формулируется принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности, разработанный С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым, Б. Г. Ананьевым, Б. М. Тепловым, А. А. Смирновым и многими другими советскими психологами²⁴. Указанный принцип целиком и полностью распространяется также и на трактовку наиболее сложных — личностных — психических свойств (способностей и характера).

Применительно к соотношению наследственного и приобретенного в психическом развитии личности это прежде всего означает, что способности не только проявляются, но и формируются в ходе деятельности — учения, игры, труда и т. д. Лишь с таких позиций мож-

---

²⁴ См. об этом: А. А. Смирнов. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975; Е. А. Будилова. Философские проблемы в советской психологии; сб. «Проблемы деятельности в советской психологии». Ч. 1. М., 1977.

но преодолеть глубоко ошибочную и широко распространенную точку зрения, согласно которой человеческие способности есть нечто готовое и законченное до своего проявления; в деятельности человека и ее продуктах они якобы только выявляются вовне, оставаясь и после своего выявления и независимо от него тем же, чем были раньше. В действительности же на каждом новом этапе деятельности, в новых делах и достижениях человек поднимается на качественно новую ступень психического развития. Подлинные достижения личности откладываются не только вне нее, в тех или иных порожденных ею объектах, внешних продуктах деятельности (машины, книги и т. д.), но и в самой личности — в развитии характера и способностей.

Тот факт, что способности *формируются* лишь в деятельности данного индивида и никак иначе они развиваться не могут, не отрицает, а, наоборот, предполагает наличие органических, внутренних условий такого развития. К числу указанных условий и относятся задатки. В отличие от собственно способностей задатки не столько формируются, сколько именно *проявляются* в процессе деятельности данного индивида, изначально существуя в качестве ее внутренних предпосылок до и независимо от нее и лишь потом — вторично — изменяясь и преобразуясь под ее влиянием в ходе дальнейшего психического развития.

Итак, тот аспект единства сознания и деятельности, который здесь совсем кратко рассматривается, позволяет преодолеть, во-первых, идеалистические теории чисто спонтанного, лишь изнутри детерминированного развития и, во-вторых, механистические теории, утверждающие, что психическое развитие детерминировано лишь внешними воздействиями — совершенно независимо от внутренних (в частности, наследственных) условий и предпосылок. С самого начала исследования необходимо учитывать сложнейшую взаимосвязь *внешних* и *внутренних* условий психического развития, существующую главным образом в процессе *деятельности* данного индивида. Одно из многочисленных проявлений этой взаимосвязи и обнаруживается на рассмотренном выше примере взаимоотношений задатков и способностей: первые (вопреки механицизму) не столько формируются, сколько проявляются в деятельности; вторые

(вопреки идеализму), наоборот, не столько проявляются, сколько формируются в ней.

Такое понимание развития личности опирается «сверху» прежде всего на философско-социологическую концепцию трудовой деятельности, а «снизу» на биологическую (идущую от Ч. Дарвина и А. Н. Северцова) теорию филогенетического и онтогенетического развития. В первом случае это рассмотренные нами выше классические положения основоположников марксизма-ленинизма о роли труда, материального (и духовного) производства в антропогенезе и вообще в истории человечества. Во втором случае это прежде всего известное положение о единстве строения и функции во всяком органическом развитии. (Это положение составляет одну из предпосылок вышеупомянутого принципа единства сознания и деятельности). Организм вообще и в особенности наиболее активные его органы (мозг и др.) в процессе своего функционирования подвергаются более или менее значительной перестройке, так что в окончательной своей форме орган является продуктом не самого по себе функционального созревания, а функционального развития. Он функционирует, развиваясь, и развивается, функционируя. Не только функция зависит от строения, от структуры, но и строение органа зависит от его функции, что особенно важно для понимания связи психики с мозгом. И в филогенетическом развитии строения организмов функция играет существенную и даже ведущую роль. Здесь также проявляется приспособительный характер эволюции, приводящий к развитию признаков, соответствующих среде и образу жизни. Указанные положения тщательно разработаны генетической школой советских биологов А. Н. Северцова — И. И. Шмальгаузена, которая специально подчеркивает формообразующую роль функции, осуществляющуюся через естественный отбор.

Образ жизни играет определяющую роль в развитии и строения органов и их функций, причем влияние образа жизни на строение *опосредствовано функцией*. И строение мозга и его психофизиологические функции выступают и как предпосылка и как результат изменяющегося в ходе развития образа жизни. Все психические процессы, образования и свойства не только проявляются, но и формируются в нем — под контролем

чисто биологических форм существования у животных, исторических форм общественной жизни у человека.

Психическое развитие личности всегда осуществляется в условиях очень сложного и многообразного соотношения природного и социального. В рамках этого соотношения наиболее существенной является взаимосвязь органических задатков и деятельности данного индивида, реализуемая в конкретной социально-исторической обстановке. Процессу возникновения психики и вообще деятельности данного человека — в начале его жизни — всегда *предшествуют* определенные внешние («среда») и внутренние (задатки) условия, первоначально не зависящие от его деятельности, но существенно, хотя и не фатально, ее детерминирующие. Однако *после* того, как на основе этих исходных внешних и внутренних условий началась его деятельность, все дальнейшее еще более сложное взаимодействие внешнего и внутреннего, природного и социального продолжается и развивается прежде всего в процессе такой деятельности (общения с другими индивидами).

Итак, теоретический анализ приводит к выводу, что наиболее перспективной является точка зрения тех психологов (С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова и многих других), которые обосновывают необходимую, специфическую, существенную (но не фатальную) роль наследственных и врожденных задатков непосредственно в психическом развитии способностей и вообще личности на основе ее деятельности. Задатки — *необходимое*, но *недостаточное* условие развития способностей.

Теперь, когда в принципе, в самом общем виде выявлены объективная необходимость, реальное существование и действительная роль наследственных предпосылок психического развития личности, закономерно возникает следующий, еще более сложный и более конкретный вопрос: в чем заключаются указанные наследственные и врожденные предпосылки и, прежде всего, как соотносятся в них психическое и физиологическое?

О соотношении физиологического и психического в наследственных предпосылках развития личности

Соотношение психического и физиологического в наследственных задатках человеческих способностей впервые и достаточно подробно, хотя весьма своеобразно, рассматривалось в философии за несколько столетий до возникновения современной физиологии, психологии и других смежных наук. Достаточно напомнить, к примеру, идущую от платоновской концепции декартовскую теорию «врожденных» идей и отчасти противоположную ей точку зрения Локка. По существу, те же вопросы обсуждались потом в известной дискуссии Дидро с Гельвецием. Разработанные тогда философские концепции оказали впоследствии очень большое влияние на конкретно-научное решение психофизиологической проблемы. Это влияние испытала и в какой-то степени до сих пор испытывает, в частности, советская психология.

Приведем лишь один пример. В течение последних 30—40 лет у нас имеет довольно широкое распространение следующая трактовка врожденного и приобретенного, особенно резко сформулированная Б. М. Тепловым в результате психологического изучения некоторых способностей человека. Врожденными могут быть лишь *анатомо-физиологические* особенности типа задатков, которые лежат в основе способностей. Сами же способности — *индивидуально-психологические* особенности, отличающие одного человека от другого,— всегда являются результатом последующего развития²⁵. Таким образом, врожденным признается только анатомо-физиологическое (задатки и т. д.), а не психическое (способности и т. д.). Понятие задатка здесь — физиологическое, но никак не психологическое. Сторонники рассмотренной точки зрения считают, что это единственный способ преодолеть теорию «врожденных» идей.

---

²⁵ См.: Б. М. Теплов. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961, с. 10—11 и др. См. также: В. А. Крутецкий. Психология математических способностей школьников, с. 74 и др.

Если бы задатки включали в себя не только физиологические, но сразу и непосредственно также психические свойства, пришлось бы признать врожденность психического, врожденность идей и т. д.

Существенно иначе ту же проблему задатков решают некоторые другие авторы. Например, советские психологи А. Г. Ковалев и В. Н. Мясищев отмечают, что когда задатки рассматриваются лишь как анатомо-физиологические особенности человека, то становится очень трудным или даже невозможным понимание того, каким же образом физиологическое (задатки) переходит, «превращается» затем в психическое — в способности и т. д.²⁶ Во избежание таких трудностей Г. С. Костюк и другие психологи считают необходимым трактовать задатки не только как анатомо-физиологическую, но и как психологическую категорию²⁷. При этом учитывается один из главных исходных принципов павловского учения — невозможность, по мнению И. П. Павлова, разделить уже «в безусловных сложнейших рефlekсах (инстинктах) физиологическое соматическое от психического, т. е. от переживаний могучих эмоций голода, полового влечения, гнева и т. д.»²⁸.

В ходе анализа обеих изложенных точек зрения на роль задатков в психическом развитии личности необходимо прежде всего учесть, что психическое неотрывно от предметного содержания, т. е. оно всегда есть отражение внешнего мира. Фундаментальная связь с миром характеризует психическое на каждой стадии возрастного развития человека, но она наиболее специфична и сложна, а потому и менее всего исследована на самых первых стадиях онтогенеза. С одной стороны, можно привести немало аргументов в пользу выше рассмотренной точки зрения, согласно которой врожденные и наследственные задатки способностей являются лишь

---

²⁶ А. Г. Ковалев, В. Н. Мясищев. Психологические особенности человека. Л., 1960, с. 45—46 и др. См. также: К. К. Платонов. Социальное и биологическое в структуре личности.— «Вопросы философии», 1970, № 9, с. 147; А. Г. Ковалев Психология личности. М., 1970, с. 241 и др.

²⁷ См.: Г. С. Костюк. Психологические вопросы соединения обучения с производительным трудом.— «Вопросы психологии», 1960, № 6, с. 15.

²⁸ И. П. Павлов. Полн. собр. соч., т. III, кн. 2. М.— Л., 1951, с. 335.

анатомио-физиологическими, но не психическими. С другой стороны, как мы видели, И. П. Павлов и некоторые другие авторы не без оснований настаивают на том, что в безусловных (т. е. врожденных и наследственно закрепленных) сложнейших рефlekсах невозможно отделить психическое от физиологического. Иначе говоря, в этом случае не отвергается, а как будто бы признается наличие психического уже в наследственных предпосылках будущей личности. Иногда первую точку зрения формулируют несколько по-другому: физиологическое выступает как врожденное и пренатальное, а психическое — только как приобретенное и постнатальное. Тогда вторая точка зрения как будто бы должна допускать, по меньшей мере, пренатальный (внутриутробный) период психического, а не только физиологического развития.

Противоречие между обеими этими крайними позициями, на наш взгляд, преодолевается или во всяком случае резко смягчается, если его проанализировать более конкретно на основе рассмотренного выше фундаментального тезиса, раскрывающего природу психического: психические явления *возникают* в процессе *взаимодействия* индивида с внешним миром, которое *начинается с внешнего воздействия*. Таким образом, самая первая в онтогенезе «встреча» с миром и есть исходный, начальный момент возникновения психического у данного индивида. Только в этом пункте онтогенетического развития психики удастся хотя бы отчасти отграничить друг от друга *внешние* воздействия и опосредствующие их *внутренние* условия, поскольку лишь в данный момент внешний мир *впервые* начинает оказывать свои воздействия на зарождающиеся психические явления. На последующих стадиях психического развития взаимодействие внешнего и внутреннего становится бесконечно более сложным и намного труднее поддается конкретному анализу. (Вот почему все дискуссии о роли задатков и влечений затрагивают главным образом начальный этап в развитии психики; в нашей брошюре ему также уделяется поэтому большое внимание.)

Отмеченное относительное различие между внешним и внутренним, наиболее характерное лишь для начального этапа возникновения психического, с наибольшей убедительностью демонстрирует принципиально важную,

конституирующую роль внешних исходных воздействий в психическом развитии будущей личности. Какой бы степени зрелости ни достигли в пренатальный период внутренние условия развития, психическое *возникает* в них не спонтанно, а в результате воздействия на них со стороны внешнего мира. В этом суть материализма (для психологии). Такая трактовка взаимодействия индивида с внешним миром выступает особенно отчетливо при ее сопоставлении с противоположной точкой зрения З. Фрейда и некоторых его продолжателей. Вся концепция психоанализа (фрейдизма) основана на следующем важнейшем положении: объект (т. е. внешнее) — «это самый изменчивый элемент влечения, с ним *первоначально не связанный*»²⁹. Иначе говоря, с точки зрения З. Фрейда, *сначала* существует влечение (внутреннее), развивающееся на его основе психическое — в отрыве от внешнего (от объекта), независимо от него; и лишь *потом* на последующих стадиях развития психическое начинает взаимодействовать с внешним миром. В цитированных словах З. Фрейд выражает (и принимает за основу для своей теории) самую суть субъективизма в трактовке психического как замкнутой в себе и обособленной сферы духа. Именно на преодоление этого крайнего субъективизма и вообще идеализма направлен рассматриваемый здесь исходный тезис о том, что психические явления возникают в процессе взаимодействия индивида с внешним миром, которое *начинается*³⁰ с внешнего воздействия, всегда осуществляясь по принципу «внешнее через внутреннее» (через задатки и т. д.).

Исключительно важная роль *первых внешних* воздействий, которыми начинается взаимодействие индивида с внешним миром, а тем самым и возникновение психики, наиболее отчетливо характеризует соотношение внешнего и внутреннего прежде всего на рубеже пренатального и постнатального периодов жизни данного человека. Если психическое возникает на этом ру-

---

²⁹ З. Фрейд. Основные психологические теории в психоанализе. М.—Пг., 1923, с. 108 (курсив мой. — А. Б.).

³⁰ Это принципиально важное обстоятельство недостаточно учитывает также Ж. Пиаже в своей трактовке деятельности. См., например, Ж. П и а ж е. Роль действия в формировании мышления. — «Вопросы психологии», 1965, № 6, с. 50—51 и др.

беже, т. е. с момента рождения индивида, то в качестве исходных внешних воздействий, детерминирующих весь этот сложный, пока очень мало исследованный процесс, выступают элементарные раздражители, сигналы и объекты (световые, тактильные, звуковые, вкусовые и др.), приводящие к возникновению простейших ощущений, эмоций и т. д. Первые воздействия внешнего мира уже с самого начала сразу опосредствуются специфическими, внутренними условиями, которыми в данном случае являются анатомо-физиологические системы прежде всего головного мозга и, в частности, физиологические задатки, сформировавшиеся в пренатальный период.

Например, каждое, даже простейшее и самое первоначальное ощущение необходимо предполагает не только ориентировочные, но и *специфические* для него рефлекторные реакции. Эти специфичные рефлекторные реакции бывают как безусловными, врожденными, наследственно закрепленными, так и условными, приобретенными. Такой безусловно-рефлекторной весьма специфической реакцией зрительного прибора является, в частности, разложение зрительного пурпура в светочувствительных клетках глаза, рефлекторно вызываемое извне воздействием света. Безусловные, фиксированные *наследственностью* рефлексы подобного типа образуют генетическую основу рефлекторной деятельности каждого анализатора. Только на этой генетической основе и могут вначале возникнуть простейшие первичные психические явления (ощущения и т. д.) под влиянием первых внешних, например, световых воздействий, которыми начинается взаимодействие индивида с внешним миром.

Приблизительно, таким образом, — в принципе и очень схематично — можно понять возникновение психики у человека с момента его рождения, т. е. в постнатальном периоде.

Намного более сложным и дискуссионным является весьма гипотетическое объяснение второго возможного варианта возникновения психики у ребенка. В данном случае учитывается вышеупомянутая точка зрения тех психологов и физиологов, которые рассматривают задатки как психофизиологическое, а не как только физиологическое образование. Тогда самые первые моменты появления психического относятся не к началу

постнатального периода, а к еще более ранним стадиям онтогенеза — к последним месяцам пренатальной жизни. В этой области исследования психофизиологические эксперименты и наблюдения предельно затруднены и в сколько-нибудь систематическом виде еще не проводились. Но теоретически в принципе ясно, что пренатальный период онтогенеза является в высшей степени специфическим и меньше всего похожим на все остальные стадии развития. Здесь достаточно совсем кратко рассмотреть лишь два уровня взаимодействия зарождающегося человека с окружающей внешней средой — физиологический и психологический уровни.

С физиологической точки зрения, по-видимому, можно считать, что пренатальное развитие происходит до некоторой степени в относительной изоляции от внешнего мира (при *нормальном* протекании беременности). Все необходимые питательные вещества, а также все остальные условия развития зарождающийся младенец получает готовыми непосредственно из организма матери, а не из внешнего мира. Даже такие элементарные физиологические функции, как питательная и «пищеварительная», осуществляются и развиваются при этом существенно иначе, чем после рождения, т. е. после настоящей «встречи» с внешним миром. В норме и в идеале «стратегия» беременности состоит, очевидно, в том, чтобы оградить зарождающегося младенца от раздражителей, а тем более от экстрараздражителей, идущих непосредственно из внешнего мира. Иначе говоря, анатомо-физиологическое развитие на *первых* своих, пренатальных стадиях, по-видимому, происходит до некоторой степени спонтанно.

Таким образом, окружающий внешний мир (в строгом и полном смысле этого слова) как бы отделен от зарождающегося человеческого индивида в пренатальном периоде онтогенеза или во всяком случае в первые месяцы указанного периода. Такая относительная изоляция не только не мешает, а наоборот, способствует первоначальным этапам анатомо-физиологического развития. Именно в этом отношении сразу же обнаруживается принципиальное и исходное различие между физиологическим и психическим. В отличие от первого второе уже *с самого начала* (а не на последующих лишь этапах) неразрывно связано с внешним миром. Именно

внешний мир изначально и всегда участвует в детерминации всех, даже простейших психических явлений и процессов — познавательных, аффективных и т. д. Психическое всегда есть связь с миром. Отсутствие такой связи означает отсутствие психического. Такова суть диалектико-материалистической теории отражения.

Эта фундаментальная, исходная и универсальная характеристика психического как будто бы находится в непримиримом противоречии с рассматриваемой здесь точкой зрения, согласно которой врожденные и наследственные задатки являются не только анатомо-физиологическими, но также и психофизиологическими образованиями. На первый взгляд намечается следующая неразрешимая альтернатива: либо психическое возникает уже в задатках в пренатальный период онтогенеза, но тогда оно появляется спонтанно, вне сколько-нибудь существенной связи с внешним миром; либо эта исходная связь с миром характеризует уже самое возникновение психического, и тогда последнее появляется не раньше чем в начале постнатального периода на основе физиологических, а не психофизиологических задатков и других внутренних условий, сразу же опосредствующих все внешние воздействия.

По-видимому, вполне допустимо предположение, что противоречие, зафиксированное в этой альтернативе, может быть разрешено, если учесть в принципе весьма вероятные более тонкие переходы, микроэтапы и различные другие промежуточные онтогенетические ступени на все еще малоисследованном пути развития от физиологического к психофизиологическому. Существование таких более тонких переходных этапов позволило бы с большей отчетливостью проследить преемственность между пренатальным и непосредственно последующим периодами онтогенеза. Несмотря на огромный дефицит эмпирических исследований этой сложнейшей преемственности, уже сейчас, по-видимому, можно использовать некоторые более или менее четко установленные факты³¹ для того, чтобы допустить следующее сугубо предварительное и очень общее предположение. Нельзя «с порога» и априорно начисто отвергать некоторую ве-

---

³¹ См., например, статью «Плод» в Большой медицинской энциклопедии, 1962, изд. 2 е, т. 24.

роятность того, что отдельные специфические раздражители, идущие из внешнего мира и существенные для возникновения психического, хотя бы отчасти и изредка доходят до зарождающегося индивида в последний период его пренатального развития.

Такая гипотеза, по-видимому, допустима, например, в отношении некоторых музыкальных, речевых и других звуков (но, конечно, не в отношении световых раздражителей и сигналов). В этом гипотетическом случае «реакция» на сильный проникающий внутрь звук будет тем более возможна, чем более развитыми к данному моменту окажутся анатомо-физиологические (в частности, наследственные) свойства зарождающегося слухового анализатора. Если такая простейшая, вначале лишь безусловно-рефлекторная «реакция» состоится и если затем она будет повторяться, то это, вероятно, может означать возникновение под влиянием внешних воздействий самых элементарных психических явлений типа чувственных впечатлений или простейших ощущений.

В качестве обоснования данной гипотезы необходимо использовать прежде всего предложенное С. Л. Рубинштейном расчленение обычного понятия ощущения на два образования: 1) более примитивное, менее дифференцированное, условно обозначенное как чувственное *впечатление* и 2) отличающееся от него *ощущение* в более узком смысле слова. Психические простейшие явления возникают по мере того, как появляется первичное чувственное различие внешних раздражителей, осуществляемое соответствующими, выработанными в ходе эволюции рецепторными приборами в силу своих *наследственно* закрепленных анатомо-физиологических специфических свойств. «Результатом чувственного *различения* является то, что можно было бы условно обозначить как первичное чувственное впечатление — в отличие от собственно ощущения, с которым оно обычно отождествляется»³². Тогда под ощущением в более узком, специальном смысле понимается результат чувственной *дифференцировки* раздражителей, т. е. их анализа; осуществляемого через синтетический акт их соот-

---

³² С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, с. 73—74. См. также: Г. А. Шичко. Ощущение, безусловный и условный рефлекс. Тезисы докладов на II съезде Общества психологов М., 1963, вып. 1.

несения с ответной реакцией организма, через замыкание условных связей.

Ощущение не является первичным, исходным психическим явлением. Сначала под влиянием внешних воздействий возникает первичное чувственное впечатление, генетическая основа которого уже подготовлена благодаря наличию наследственно закрепленных, безусловно-рефлекторных структурных и функциональных свойств рецепторных органов. Затем появляется ощущение, т. е. по мере того, как эта наследственная *безусловно-рефлекторная* основа уже возникшего чувственного впечатления обрастает *условно-рефлекторными*, сигнальными связями. Такое различие между впечатлением и ощущением дает возможность наметить одну из вышеупомянутых переходных стадий в процессе онтогенетического развития от физиологического к психофизиологическому. Тем самым выступает более конкретно *преемственность* между пренатальным и непосредственно последующим периодами онтогенеза. Независимо от того, как в дальнейшем будет раскрыта эта сложнейшая и пока очень мало исследованная преемственность, уже сейчас ясно, что психологическая наука не может вовсе игнорировать пренатальный этап развития человека.

Как известно, по мере своего развития пренатальная жизнь обнаруживает довольно значительную, например двигательную, *активность* (лишь в этом случае последнюю, вероятно, стоит отличать от *деятельности*). В научной литературе имеются отдельные указания даже на такие более сложные пренатальные явления, как сосание пальца, внутриматочный крик и т. д. Все это, по-видимому, тоже может способствовать возникновению простейших чувственных (тактильных, слуховых и т. д.) впечатлений на генетической основе безусловно-рефлекторных наследственно закрепленных структурных и функциональных свойств соответствующих анализаторов. Так предположительно конкретизируется уже упоминавшаяся точка зрения И. П. Павлова и других авторов, согласно которой в сложнейших безусловных рефлексах невозможно отделить психическое от физиологического, и потому задатки должны рассматриваться как единое психофизиологическое образование. Близкую или аналогичную точку зрения разработали П. К. Анохин и его сотрудники на основе специального изучения

пренатального периода человеческой жизни. Результатом такого изучения является следующий вывод: «Многое из того, что мы считаем специфически человеческим, приобретенным человеком после рождения, на самом деле содержится в нашей генетике, заготовлено в нашей природе в форме фиксированных соотношений нервных структур»³³.

Таким образом, обе рассмотренные основные трактовки задатков во многом отличаются друг от друга, поскольку они характеризуют задатки либо как только физиологическое, либо как психофизиологическое образование. Соответственно этому возникновение психики относится либо к постнатальному, либо к пренатальному периоду онтогенеза. Вместе с тем мы пытались показать, что обе указанные точки зрения совпадают друг с другом в главном и основном — в понимании самой сущности, природы психического: психическое возникает в процессе *взаимодействия* индивида с внешним миром, которое начинается с *внешнего воздействия*, всегда осуществляясь по принципу «внешнее *через* внутреннее» (через задатки и т. д.). Эта фундаментальная исходная характеристика любого, даже наиболее элементарного и впервые возникающего психического явления легко реализуется в случае его постнатального возникновения, но она согласуется также и с возможной гипотезой пренатального генезиса психического.

Даже если эта гипотеза не подтвердится в ходе будущих исследований, все равно останется в силе лежащее в ее основе положение о существенном различии между начальными этапами онтогенетического происхождения *физиологических* и *психических* явлений. Если первые развиваются относительно спонтанно, в некоторой изоляции от внешнего мира (в начале пренатальной жизни), то вторые возникают *только* тогда, когда благодаря исходным внешним воздействиям начинается взаимодействие индивида с *внешним* миром.

Отмеченное различие между психическим и физиологическим не означает, конечно, что последнее в про-

---

³³ П. К. Анохин. За творческое сотрудничество философов с физиологами.— В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966, с. 291; см. также: П. К. Анохин. Социальное и биологическое в природе человека.— В сб.: «Соотношение биологического и социального в человеке». М., 1975.

цессе своего возникновения вовсе не связано с внешними условиями. Не только психическое, но и вообще все живое всегда существует в процессе взаимодействия внешнего и внутреннего. Но такое взаимодействие осуществляется на очень разных *уровнях* — соответственно весьма различным проявлениям и уровням жизни. Не только психическое, но и физиологическое функционирует под влиянием внешних воздействий, но в обоих указанных случаях это *разные* внешние воздействия. Например, питательные вещества, необходимые для пренатальной жизни, в конечном счете тоже поступают из внешнего мира (но сначала они попадают в организм матери). В этом смысле физиологическое также никогда не бывает изолированным от внешнего мира и постоянно нуждается в определенных внешних условиях. Однако такие внешние условия, хотя и необходимы, но совершенно недостаточны для возникновения психического. Оно появляется в онтогенезе на основе анатомо-физиологических задатков в процессе гораздо *более* *сложного* и специфического взаимодействия внешнего и внутреннего и прежде всего в том случае, когда внешний мир в качестве специфических раздражителей начинает воздействовать на специализированные *внешние* органы чувств — на зрительные, слуховые и другие чувствительные приборы. Это условие отнюдь не является обязательным для *возникновения* физиологического. Тем самым уже в генезисе сразу же обнаруживается, что физиологическое и психическое при всей их взаимосвязанности изначально существуют на объективно *различных* уровнях взаимодействия внешнего и внутреннего.

Итак, у человека психическое возникает на основе наследственных и врожденных *задатков* в результате первых *внешних* воздействий и развивается в процессе постепенно усложняющихся психически регулируемых действий, вообще *деятельности* данного индивида в определенных конкретно-исторических условиях. Это сложнейшее соотношение исходных внешних воздействий (1), наследственных внутренних условий (2) и деятельности (3) мы пытались раскрыть на основе принципа детерминизма: внешние причины действуют через внутренние условия. Только такая трактовка детерминации дает возможность понять природу и сущность психи-

ческого и вместе с тем преодолеть как идеалистические, так и механистические теории в психологии. Проведенный выше критический анализ наиболее слабого пункта фрейдистской концепции отчетливо обнаруживает важнейший недостаток любой идеалистической теории психического. На основе формулы детерминизма «внешнее через внутреннее» предельно отчетливо обнаруживается также недостаточность механистического подхода к пониманию психики. Покажем это на примере одного из крайних вариантов теории интериоризации (перехода внешнего во внутреннее в ходе психического развития).

Психологическая теория интериоризации была разработана французским психологом Пьером Жанэ, который рассматривал мыслительный акт как интериоризованное, перешедшее во внутренний план внешнее практическое действие³⁴. Простейшим примером перехода внешнего действия во внутреннее может служить следующий общеизвестный факт: сначала маленький ребенок научается считать лишь во внешнем плане — на пальцах, с помощью камешков и т. д., а затем он начинает считать только «в уме», т. е. без опоры на внешние предметы. Одна из наиболее последовательных современных концепций такой интериоризации приводит, как известно, к неизбежному выводу, что *психическое порождается* внешней, практической деятельностью по мере перехода внешних действий во внутренний план. Иначе говоря, психическая деятельность возникает в результате интериоризации внешней деятельности, внешних действий. На самом же деле, *возникновение* психического не есть результат подобной трансформации, усвоения и т. д. внешних, практических действий, потому что последние уже с самого начала включают в свой состав хотя бы простейшие психические явления, которыми они необходимо и всегда регулируются, афферентируются, управляются.

Верно и общепризнанно, что «внешняя», простейшая практическая деятельность генетически предшествует теоретической деятельности, но неверно, что психическое

---

³⁴ См. об этом: С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, с. 52—53 и др.; его же. Принципы и пути развития психологии, с. 252—255 и др. Л. И. Анцыферова. Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974, с. 133 и др.

появляется лишь в результате первой из них и на основе ее интериоризации. Оба этих важнейших вида деятельности всегда и на *любом* этапе осуществляются благодаря психической регуляции (хотя и существенно различной в каждом из указанных двух случаев). Любое *действие* — в отличие от чисто физиологической *реакции* — всегда регулируется на основе психических (вначале самых элементарных) явлений, без которых оно просто невозможно. Поэтому нельзя думать, что сначала возникает действие («внешнее», практическое) и лишь *потом* на его основе в результате его интериоризации появляется психическое. Несколько огрубляя, можно, по-видимому, сказать, что в начале онтогенеза самое первое, наиболее элементарное действие и самое первое, простейшее психическое явление возникают одновременно, поскольку одно не существует без другого. Но, строго говоря, самое элементарное и генетически первичное психическое явление, т. е. чувственное впечатление (см. выше), вероятно, появляется даже несколько раньше первого действия.

Например, как уже отмечалось, самые первые в онтогенезе световые внешние раздражители воздействуют на зрительный прибор новорожденного и благодаря наследственно и пренатально подготовленным специфическим свойствам соответствующего анализатора вызывают безусловно-рефлекторную, наследственно фиксированную реакцию разложения зрительного пурпура в светочувствительных клетках глаза. В результате может появиться первичное и простейшее чувственное впечатление. Это и есть исходное, первоначальное психическое явление, образующее переход от физиологического к психофизиологическому³⁵. Но едва ли в таком строгом смысле слова можно говорить о существовании уже в данном случае хотя бы элементарного человеческого действия.

Приведенный пример возникновения чувственного, светового впечатления убедительно демонстрирует исключительно важную роль природных, наследственных задатков и других врожденных свойств анализатора (в этом частном случае зрительного) для формирования

---

³⁵ Во всех подобных случаях пока еще очень трудно дифференцировать физиологическое и психическое.

простейших, исходных психических явлений. Чем более развиты такие задатки к моменту первой встречи новорожденного с внешним миром, тем раньше и интенсивнее начнется психическая жизнь данного младенца и тем успешнее она будет развиваться на основе постепенно формирующейся, сначала совсем элементарной деятельности. Все последующие, всегда очень сильно выраженные и неискоренимые индивидуальные различия в психике людей берут свое *начало* именно в указанных различиях наследственных задатков и пренатальной жизни, хотя, конечно, отнюдь не сводятся к ним.

Таким образом, сам по себе бесспорный и общепризнанный факт интериоризации (т. е. перехода психического на более высокую ступень своего развития) объясняется по-разному на основе двух вышеуказанных теорий. Согласно первой из них, разработанной С. Л. Рубинштейном и его учениками, психическое возникает в результате *внешнего воздействия*, которым начинается взаимодействие индивида с внешним миром и которое сразу же опосредствуется задатками и другими наследственными внутренними условиями. Согласно второй теории, т. е. теории интериоризации, психическое возникает в результате интериоризации *внешнего действия*, которое постепенно становится внутренним. Наряду с вышеотмеченными существенными различиями между обеими концепциями имеются также два важных признака, которые их объединяют. Обе они справедливо утверждают 1) приоритет *внешнего* в процессе возникновения психического (такова суть материализма в психологии) и 2) прижизненное формирование человеческих *действий*. В отличие от животных инстинктов действия, операции и тем более поступки человека не передаются, не фиксируются наследственностью, а формируются в ходе индивидуального развития (на основе наследственных предпосылок, роль которых, как мы видели, уже по-разному оценивается рассматриваемыми теориями). «Термин *инстинкт* целесообразно сохранить для обозначения реакций, в которых наследственно закрепленным является не только импульс к действию, но и структура самого действия. Инстинкт — это наследственная стереотипная реакция. К инстинктам в этом точном смысле слова у человека может быть отнесено лишь минимальное количество таких элементар-

ных актов, как, например, сосание. Их роль в деятельности человека совершенно минимальна»³⁶.

В каждом, даже простейшем поведенческом акте психологически существенны прежде всего два взаимосвязанных компонента: 1) *импульс* к действию, вообще мотивация последнего; 2) само *осуществление* этого акта в виде того или иного конкретного действия. Способ осуществления действия, вся в целом структура последнего у человека (в отличие от животных) не являются врожденными. Но зато другой, «мотивационный» компонент будущего самого элементарного действия до некоторой степени, по-видимому, может быть врожденным и наследственным. Таким компонентом и является органическое влечение, которое становится действенной силой по мере установления его связи с объектом. Например, в случае простейших пищевых потребностей существование подобных органических предпосылок является очевидным и общепризнанным. Таким образом, «от инстинктов влечения отличаются тем, что в них фиксировано уже не действие в целом, а только импульс к действию»³⁷. Последнее всегда формируется лишь прижизненно, в ходе индивидуального онтогенетического развития человека.

Такая трактовка человеческого действия (в отличие от животных инстинктов) полностью согласуется также с вышеизложенным пониманием чувственного впечатления как простейшего исходного психического явления. Вначале психическое возникает под влиянием внешних воздействий на безусловно-рефлекторной, наследственной основе (например, задатков). Затем эта генетическая основа уже возникшего чувственного (слухового, зрительного и т. д.) впечатления постепенно обрастает условно-рефлекторными сигнальными связями. В результате появляются ощущения и другие более сложные психические явления. Даже простейшие человеческие действия также всегда формируются на базе сложного комплекса и безусловно-рефлекторных, и условно-

---

³⁶ С. Л. Рубинштейн. Основы психологии, с. 383. Прочитанный принципиально важный вывод о том, что у человека (в отличие от животного), по существу, нет инстинктов, нередко формулируют теперь также и в других терминах: в человеке нет ничего биологического, в нем есть лишь органическое.

³⁷ С. Л. Рубинштейн. Основы психологии, с. 383.

рефлекторных связей. Следовательно, уже первоначальные практические действия и первые ощущения формируются более или менее одновременно и в тесной взаимосвязи. Поэтому первые действия отнюдь не возникают раньше ощущений и других психических явлений и не могут быть их прототипом, который затем интериоризируется, порождая психическое. Но чувственное впечатление, по-видимому, впервые появляется несколько раньше действия и потому становится необходимым, уже психическим (а не только физиологическим) внутренним условием для последующего возникновения первых действий и ощущений в их взаимной связи.

Таким образом, психическое изначально и всегда участвует в регуляции всех и любых действий, поступков, вообще деятельности — по мере их возникновения и развития. Необходимое для осуществления любой деятельности, оно именно в ней и вместе с ней формируется и развивается. Всякая психическая регуляция поведения осуществляется в двух формах: 1) побудительной, мотивационной 2) исполнительской. С первой из них связаны характерологические свойства личности, со второй — способности. Первые побуждают к той или иной деятельности, вторые определяют качество ее выполнения. Как мы пытались здесь показать, и те и другие необходимо имеют свои существенные природные (наследственные и врожденные) предпосылки: органические влечения — для характера, задатки — для способностей. Но в обоих случаях указанные природные предпосылки приводят к возникновению психического не спонтанно, а в результате внешних воздействий, которыми начинается взаимодействие индивида с внешним миром. Такое взаимодействие означает, что деятельность индивида не есть реакция или ответ на внешнее воздействие. Поведение, деятельность детерминируются специфическими (психологическими и др.) закономерностями по вышеуказанному принципу: внешнее через внутреннее.

Об общественно-исторических особенностях человеческой психики

Наука обнаруживает существенные, но не фатальные различия между человеческими индивидами в отношении исходных внутренних, наследственных условий их психического развития. Однако отмеченные различия никак *не совпадают* с классовыми, национальными и расовыми различиями между теми же людьми. Именно в этом принципиальном несовпадении и состоит прежде всего непримиримая противоположность между наукой и расизмом. Расизм пытается доказать, что якобы только «высшие» расы обладают выдающимися способностями и сильным характером. Эти антинаучные утверждения опровергаются историческим опытом человечества, который свидетельствует о том, что люди различной одаренности имеются в составе очень разных классов, наций и рас. Действительные различия между индивидами в конечном счете зависят прежде всего от внешних условий, которые способствуют или препятствуют нормальному психическому развитию людей при том или ином общественном строе. Опыт строительства социализма показывает, что при благоприятных социально-экономических условиях на вершины современной культуры могут подниматься не только отдельные индивиды, но и целые нации, народности и классы из числа тех, которые прозябали при феодализме и капитализме в угнетенном и отсталом состоянии.

В. И. Ленин неоднократно и с полной определенностью разъяснял взаимосвязь и различие между социально-экономическим равенством людей при социализме и их неравенством в отношении способностей, потребностей и т. д. Ленин писал: «...под равенством в области экономической глупо разуметь что-либо иное кроме *уничтожения классов*... Уничтожить классы — это значит поставить *всех* граждан в *одинаковое* отношение к *средствам производства* всего общества, это значит — все граждане имеют *одинаковый* доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее»³⁸. Существенно иначе обстоит дело с равенством в отношении

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 362—363.

способностей, потребностей и т. д. разных индивидов при социализме. «Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди *не равны*, то под равенством разумеют равенство *способностей* или *одинаковость* физических сил и душевных способностей людей.

Само собой разумеется, что в этом смысле люди *не равны*. Ни один разумный человек и ни один социалист не забывает этого. Только к социализму *такое равенство* не имеет *никакого* отношения»³⁹. И далее Ленин конкретизирует сделанный вывод: «...отдельные люди, принадлежащие к дворянскому сословию, *не равны* по своим телесным и душевным способностям, как *не равны* между собой и люди, принадлежащие к ...крестьянскому сословию. Но по *правам* своим все дворяне *равны*, а все крестьяне равны по своему *бесправнию*»⁴⁰. Следовательно, и среди дворян, и среди крестьян, и в составе любых других классов есть люди с разными способностями, задатками и т. д., но эти представители разных классов живут в различных социально-экономических условиях, которые ускоряют или, наоборот, тормозят, а то и вовсе исключают формирование и развитие человеческих способностей. Социализм и коммунизм создают наиболее благоприятные предпосылки для психического развития всех трудящихся. Но, конечно, «*равенства* сил и способностей людей в социалистическом обществе ждать нелепо.

Кратко говоря: когда социалисты говорят о равенстве, они понимают под ним всегда *общественное* равенство, равенство общественного положения, а никоим образом не равенство физических и душевных способностей отдельных личностей»⁴¹.

По мере перехода от социализма к коммунизму прежде всего в результате ликвидации существенных различий между физическим и умственным трудом, а также между городом и деревней⁴² будут возникать максимально благоприятные (в идеале — равные для всех) внешние условия, определяющие развитие человеческих способностей и характера. В этом случае тоже останут-

---

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 361—362.

⁴⁰ Там же, с. 363.

⁴¹ Там же, с. 364.

⁴² См. об этом: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 159, 167, 216 и др.

ся значительные различия между людьми — в отношении их способностей, потребностей и т. д. Именно таков смысл основного и общеизвестного принципа коммунизма: от каждого по его способностям, каждому — по потребностям. Но теперь уже эти различия, как совершенно очевидно, будут зависеть не столько от внешних, более или менее уравненных условий, сколько прежде всего от внутренних. К числу последних относятся и врожденные, наследственные задатки, влечения и т. д.

Итак, критика расистских теорий, абсолютизирующих и неверно интерпретирующих расовые, национальные и т. п. различия между людьми, никак не означает полного отрицания таких различий. Эти последние, бесспорно, существуют, а потому подлежат также и психологическому анализу. Дело лишь в том, чтобы четко выявить специфику такого анализа, осуществляемого исторической и социальной психологией.

В ходе психологического изучения всех этих исторических, классовых, национальных и т. д. особенностей человеческой психики целиком и полностью сохраняет свою силу рассмотренное выше положение о том, что предметом психологии является *психическое как процесс* (всегда, конечно, взаимосвязанный со своими результатами или продуктами). Только при таком подходе к соотношению психического процесса и продукта может быть четко выявлен предмет также и социальной, исторической психологии. «Исторически изменяющиеся психические свойства людей реально формируются в процессе *индивидуального онтогенетического* развития и лишь в качестве таковых они могут стать предметом психологического исследования. Собственно психологическое исследование, как правило, имеет, таким образом, дело с формированием психики в одних определенных исторических условиях, которые в психологическом исследовании принимаются как данное»⁴⁵. В тех случаях когда предметом психологии (исторической и социальной) становится также и историческое развитие психики, изучение этого развития по-прежнему осуществляется на конкретном материале тех или иных *индивидов*. Дело в том, что только реальный живой *индивид*, всегда выступающий в системе общественных взаимоотношений с другими людьми, является субъектом

---

⁴⁵ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, с. 241.

психического как *процесса*. Например, социальное по своей природе мышление, не будучи, конечно, мышлением лишь «отдельного единичного человека», всегда существует «только как *индивидуальное мышление*» всех людей⁴⁴.

Таким образом, психическое как реальный, живой процесс можно исследовать именно у живых индивидов. Тем самым определяется специфическая область исторической психологии: «Только изучая психику людей того поколения, на время жизни которого падают большие исторические сдвиги, ломка одного и зарождение другого общественного строя, психология реально имеет дело с перестройкой психологии людей. Эта перестройка выступает здесь в ходе самого индивидуального онтогенетического развития»⁴⁵. Подобно любой другой отрасли психологической науки, историческая психология изучает свой предмет лишь на материале психического как живого процесса — в закономерных соотношениях с его продуктами, результатами. В отличие от исторической психологии все остальные отрасли исторической науки (например, этнография, история культуры и т. д.) исследуют эти продукты — образы, понятия, орудия труда, нравы, обычаи и т. д. — безотносительно к *психическому процессу*, регулирующему ту деятельность, в результате которой они возникли.

Аналогичное соотношение процесса и его продукта определяет взаимосвязь и различие между социальной психологией и социологией. Если общая психология изучает прежде всего общечеловеческие психические свойства индивида, то предметом социальной психологии являются преимущественно особенные, типологические черты психики индивида, свойственные ему как представителю определенного общественного строя, класса, нации и т. д. «Обнаружив на данном индивиде (или ланных индивидах) закономерную зависимость определенных психических свойств от определенных условий жизни, которые являются общими для соответствующей общности людей, наций, классов, представителей того

---

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 87 (курсив мой. — А. Б.).

⁴⁵ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, с. 241. См. также: сб. «Генетические и социальные проблемы интеллектуальной деятельности». Алма-Ата, 1975.

или иного, прежде всего нашего советского общественного строя, психолог вправе сделать соответствующее обобщение»⁴⁶. Но и классовые, национальные и т. д. особенности психики индивидов психология (в данном случае социальная психология) тоже исследует на материале психического как живого процесса — в соотношении с его результатами. Эти последние можно, конечно, изучать и безотносительно к такому процессу; но тогда социальная психология переходит в социологию и в другие конкретно-социологические области исследования.

Таким образом, любая отрасль психологической науки (общая психология, а также историческая, социальная и т. д.) имеет своим предметом психическое как *процесс*, всегда выступающий в закономерных соотношениях со своими продуктами или результатами. Эти последние *сами по себе* — вне связи с психическим процессом, не в качестве его индикатора — вообще выходят за пределы психологии. Так, например, понятие, суждение и т. д. вне непосредственной связи с психическим процессом, в котором оно формируется, изучается не психологией, а логикой. Несколько огрубляя, можно даже сказать, что психология исследует *не всю* психику «в целом», а только один из ее аспектов — психическое как процесс. Психическое как результат (в частности, как идеальное) само по себе не входит в предмет психологии; оно — не столько *предмет*, сколько *условие* психологического исследования.

Следовательно, для любой отрасли психологической науки (общая психология, социальная, историческая и т. д.) наиболее важен акцент на изучении психического как процесса. Эта методологическая установка особенно существенна для анализа соотношения природного и социального в психическом развитии людей, поскольку именно в живом процессе, как мы видели, происходит непрерывное взаимное опосредствование природного и социального.

---

⁴⁶ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, с. 242. О различных трактовках предмета социальной психологии подробнее см.: сб. «Методологические проблемы социальной психологии». М., 1975.

Два основных подхода к проблеме «природное — социальное» (вместо заключения)

Соотношение природного (в частности, биологического) и социального составляет одну из актуальнейших и сложнейших проблем современной науки. На разных уровнях взаимодействия человека с миром это соотношение выступает в соответственно различных и весьма многообразных формах. Например, природное существует в человеке как биофизическое, биохимическое, физиологическое и т. д., а социальное — как общественное и личное, классовое, групповое, коллективное и т. д.

В современной науке, как мы видели, широко представлены два наиболее общих подхода к проблеме «природное—социальное». Первый из них исходит из того важнейшего положения, что природа человека есть продукт истории. Это означает, что в историческом процессе развития совместной (прежде всего трудовой) деятельности людей социальное так или иначе опосредствует, видоизменяет, развивает и т. д. биологическое, вообще природное в человеке. Согласно известной формуле К. Маркса, изменяя внешнюю природу, человек в то же время изменяет свою собственную природу⁴⁷. При таком взаимном опосредствовании природного и социального невозможен дуализм между ними.

Второй подход к рассматриваемой проблеме основан на следующем способе рассуждения: природное, в частности, биологическое — это не социальное, а социальное — это не биологическое. Исходная рядоположенность, взаимоисключаемость и несовместимость того и другого, закрепленные указанным способом рассуждения, выступают особенно явно в тех уже упоминавшихся случаях, когда новорожденный ребенок рассматривается в качестве чисто биологического существа или даже в качестве (полу)животного. При таком подходе к проблеме уже в исходном пункте онтогенеза современного человека биологическое (вообще природное) и социаль-

---

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 188.

ное дуалистически отделены друг от друга. Этот изначальный дуализм между ними в принципе не может быть преодолен в ходе последующего их взаимодействия, которое неизбежно оказывается внешним.

Таковы два основных и предельно общих способа соотнесения природного и социального. Первый из них является монистическим и потому, на наш взгляд, наиболее перспективен. Второй — дуалистический — нуждается в критическом рассмотрении, поскольку он до сих пор довольно широко распространен в современной науке. В советской научной литературе он представлен со времен 20—30-х годов, когда он выступал с наибольшей очевидностью и был очень четко зафиксирован Л. С. Выготским, например, в виде следующего положения: «С момента овладения языком все внутреннее развитие *ребенка из животной фазы* (биологической) переходит в собственно человеческую (социальную)»⁴⁸. В настоящее время такой дуалистический подход к проблеме природного-социального выступает в менее очевидных, но все же достаточно отчетливых формах. Напомним лишь три примера, рассмотренных в предыдущих параграфах.

Это, во-первых, точка зрения, согласно которой необходимо с самого начала различать у человека *два* рода способностей: 1) природные, естественные, в основе своей биологические, общие у людей и у высших животных; 2) специфически человеческие, высшие, общественно-исторические по происхождению. Во-вторых, это положение о том, что усвоение общественно-исторического опыта в ходе онтогенеза представляет собой процесс *очеловечивания* психики ребенка или ее гоминизацию. Наконец, в-третьих, это особенно популярный сейчас тезис о том, что такие природные, биологические, физиологические, органические и т. п. свойства, как задатки, *не влияют* сколько-нибудь значительно, специфически и непосредственно на развитие наиболее существенных, *личностных* качеств человека (способностей и характера). Но при этом признается, что развитие всех остальных, менее существенных психических свойств человека в той или иной степени *обуславливается* указанными задатками.

---

⁴⁸ Б. Е. Варшава, Л. С. Выготский. Психологический словарь. М., 1931, с. 205 (курсив мой. — А. Б.).

На наш взгляд, во всех этих и им подобных случаях происходит как бы «раскалывание» современного человека надвое — на природные и «чисто» социальные компоненты. Так реализуется вышеупомянутый принцип: биологическое—это не социальное, а социальное—это не биологическое, который наиболее отчетливо характеризует здесь, например, самые первые стадии онтогенеза, а также сформировавшуюся личность в отличие от человека как индивида.

Такая рядоположность, изначальная взаимоисключаемость и несовместимость природного и социального означают, что между тем и другим устанавливаются отношения дизъюнктивности (прежде всего в исключаемом смысле слова, существенном, в частности, при дихотомическом делении объема понятий). Например, в элементарном курсе планиметрии все треугольники дизъюнктивно подразделяются на три типа: остро-, тупо- и прямоугольные, так что между ними существуют отношения взаимоисключения (один и тот же треугольник не может принадлежать сразу к двум или к трем типам). Следовательно, дизъюнктивность основана на законе исключенного третьего. Но для психологии исходными и наиболее адекватными являются, наоборот, отношения недизъюнктивности. Так, например, психологу необходимо исходить из следующего положения: «различая интеллектуальные, эмоциональные и волевые процессы, мы не устанавливаем этим никакого дизъюнктивного деления»⁴⁹, поскольку всякий психический акт представляет собой единство познавательных и аффективных (эмоционально-волевых) аспектов. Взаимное опосредствование биологического и социального (по принципу: природа человека — продукт истории) тоже означает, на наш взгляд, что отношения между ними являются недизъюнктивными.

Итак, оба анализируемых здесь подхода к проблеме природного и социального выступают соответственно как 1) недизъюнктивный (природа человека — продукт истории) и 2) дизъюнктивный (социальное — это не биологическое, биологическое — это не социальное). Мы

---

⁴⁹ С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 97; см. также: А. В. Брушлинский. Основные проблемы и перспективы математизации психологии.— «Вопросы психологии», 1975, № 1.

уже видели, что лишь первый из указанных подходов является адекватным для постановки и разрешения всей рассматриваемой здесь проблемы. Вместе с тем критика второго, дизъюнктивного подхода не означает, что исходные для него отношения дизъюнктивности всегда и всюду являются неадекватными. Во многих других областях действительности именно эти отношения становятся основными. Например, техника по происхождению и по существу изначально дизъюнктивна, поскольку любая машина, любой автомат создается человеком из различных изначально *отделенных* друг от друга частей, блоков, деталей и т. д., между которыми уже вначале существуют отношения дизъюнктивности⁵⁰. Эти последние нельзя механически распространять на более сложную и очень специфичную проблему природного — социального.

Дизъюнктивный подход в конечном счете основан на формальной логике, которая на определенном уровне абстракции является весьма плодотворной и необходимой, хотя и отвлекается от развития изучаемого объекта. Не-дизъюнктивный подход основан на диалектической логике, которая не только не абстрагируется от развития исследуемого процесса, а, наоборот, создает главные методологические предпосылки для изучения того или иного объекта в его генезисе. В таком контексте исходный принцип диалектической логики особенно отчетливо характеризуется следующими словами Ф. Энгельса: диалектика «признает в надлежащих случаях наряду с «или — или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности»⁵¹. Иначе говоря, дизъюнктивность, т. е. взаимоисключаемость в вышеуказанном смысле, совсем кратко выражается в способе рассуждения по принципу «или — или» (например, или биологическое, или социальное). В отличие от формальной логики диалектическая логика специально исследует самый генезис выявленных противоположностей и на этой основе преодолевает, опосредствует «дизъюнктивность» между ними (в процессе исторического развития человечества биологическое и социальное взаимно

---

⁵⁰ См., например, Энциклопедия кибернетики, т. 1. Киев, 1975, с. 18—19.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 528.

опосредствуют друг друга). Здесь способ рассуждения должен быть уже иным: не «или — или», а «и — и» (это «и» используется, конечно, не в эклектическом, а в диалектическом смысле).

Недизъюнктивность есть высший уровень *преемственности, непрерывности* в развитии того или иного процесса. Рассмотренный выше вопрос о соотношении физиологического и психического в наследственных и врожденных задатках имеет общее значение для постановки и решения принципиально важной проблемы такой преемственности, непрерывности, недизъюнктивности всего в целом психического развития. С одной стороны, как мы видели, преемственность и непрерывность (континуальность), характеризующие взаимосвязь психического и физиологического, изначально обеспечиваются отчасти уже наследственными задатками. С другой стороны, психическое как таковое не является наследственным; в отличие от всех или большинства анатомических и физиологических явлений наследственны *лишь* некоторые существенные, специфические и непосредственные предпосылки (задатки) возникновения психического. Если бы последнее целиком и полностью передавалось бы только генетически от поколения к поколению, от родителей к детям, то проблема преемственности и непрерывности психического развития сразу же была бы решена безо всяких принципиальных затруднений, а самый сложный вопрос об *онтогенетическом возникновении* психики у человека вообще был бы просто снят. Однако по самой своей сущности психическое не может быть наследственным, генетически зафиксированным (в вышеуказанном смысле слова), и тем не менее в его онтогенетическом возникновении и развитии полностью сохраняются преемственность и непрерывность. Таковы исходные условия обсуждаемой здесь проблемы.

Психическое есть высший уровень отражения внешнего мира, т. е. оно отражает наиболее существенные *развивающиеся* процессы, явления, события и в том числе наиболее изменяющиеся из них. Такие предельно динамичные процессы в принципе невозможно заранее предвосхитить и закрепить («запрограммировать») на уровне одной лишь наследственности, фиксирующей прежде всего относительно *стабильные* взаимосвязи организма и условий его существования. Вот почему пси-

хическое — в отличие от большинства анатомических и физиологических явлений — не может быть наследственным, хотя оно возникает и существует лишь на основе наследственных и врожденных предпосылок (задатков).

При таком подходе к проблеме сразу же становится очевидной и неприемлемой дизъюнктивность точки зрения тех авторов, которые в той или иной степени отрицают необходимую, существенную и специфическую роль наследственных задатков непосредственно в психическом развитии человека, осуществляющемся в процессе его деятельности. Такое отрицание неизбежно приводит к разрыву в преемственности анатомического, физиологического и психического развития, т. е. последнее перестает быть непрерывным. Этот разрыв воспроизводит уже упоминавшийся выше дуализм и дизъюнктивность природного и социального. В итоге неизбежен индетерминизм в трактовке психического развития.

На самом деле преемственность и непрерывность изначально характеризуют не только возникновение психики в онтогенезе, но и любой этап ее последующего функционирования и развития. Каждый такой новый этап появляется не на пустом месте, а только на основе преемственности, как бы вырастая из предыдущих стадий психического и полностью сохраняя с ними все свои генетические, внутренние связи. Эти стадии *не отделены* дизъюнктивно друг от друга по типу блоков и деталей машины или автомата (см. выше).

Таким образом, непрерывность и преемственность, вообще детерминация психического означают прежде всего, что любая его последующая стадия может возникнуть лишь в том случае, если ей предшествует в качестве ее внутреннего исходного условия другое, пусть менее сложное, но обязательно тоже *психическое* явление. Так, в психологии конкретизируется всеобщий принцип детерминизма, согласно которому внешние причины всегда действуют только через внутренние условия. Последние выступают поэтому в разных, но взаимосвязанных аспектах или качествах: психологическом, физиологическом, биохимическом, биофизическом и т. д.

На любом своем онтогенетическом этапе (кроме первого) всякое психическое формируется и развивается из психического же — под влиянием *внешних* воздействий, опосредствованных внутренними условиями.

Вот почему, как мы видели, труднее всего объяснить именно самый первый из этих онтогенетических этапов, т. е. самое возникновение психического в конце пренатального и (или) в начале постнатального развития младенца. Дело в том, что в данном случае возникающему психическому явно еще не предшествует уже существующее (в полном смысле слова), но менее развитое психическое, целиком передаваемое через гены. Поэтому-то здесь так важно хотя бы гипотетически наметить возможные промежуточные, переходные, недизъюнктивные стадии развития от физиологического к психофизиологическому, например, в форме чувственных впечатлений (см. выше).

Та же общая проблема переходных стадий развития от физиологического к психофизиологическому предельно остро обсуждается, как известно, в связи с так называемым принципом специфической энергии органов чувств. «Основу его составляет бесспорное положение, заключающееся в том, что все специфицированные ощущения находятся в определенном соотношении с гистологически специфицированными органами, их обуславливающими. Это правильное положение, подтверждаемое обширными психофизиологическими данными»⁵². Исключительная специфичность любого из анализаторов есть закономерный результат всей биологической эволюции, в процессе которой органы чувств формировались в реальных взаимоотношениях организма со средой, под воздействием внешнего мира⁵³. Лишь на основе такой наследственно закрепленной специфичности (биофизической, биохимической, физиологической и т. д.) может быть правильно понят вышеупомянутый сложнейший переход от физиологического к психофизиологическому в процессе онтогенетического возникно-

---

⁵² С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, с. 187; см. также: С. В. Кравков. Очерк общей психофизиологии органов чувств. М.—Л., 1946.

⁵³ Эту генетически обусловленную специализацию органов чувств, закономерно огражающую воздействия внешнего мира на организм, не учитывают, как известно, при идеалистической интерпретации принципиально важного и правильно зафиксированного факта такой специализации. Указанный факт наиболее систематически начал изучать в XIX веке немецкий физиолог И. Мюллер и он же первый дал ему ошибочную трактовку в духе физиологического идеализма.

вения самых первых и весьма специфических чувственных впечатлений, ощущений, эмоций и т. д.

Наследственно передаваемая и онтогенетически развивающаяся специализация или специфичность анализаторов совсем отчетливо характеризует сложнейшую, интегральную, системную⁵⁴ природу внутренних условий психического развития, опосредствующих все внешние воздействия на человека. Эти внутренние условия, как бы преломляющие внешние воздействия, в свою очередь, сформировались в зависимости от предшествующих внешних влияний. В результате психологический эффект каждого внешнего (например, педагогического) воздействия на человека обусловлен историей ее развития. История, обуславливающая структуру личности, включает в себя: 1) процесс эволюции живых существ, 2) собственно историю человечества и, наконец, 3) историю развития данного индивида. Соответственно этому *детерминизм* всегда включает в себя *историзм* (хотя, конечно, не сводится к нему).

Таким образом, исторически возникшие внутренние условия психического развития человека не могут быть сведены лишь к чисто биологическим. Они имеют несколько аспектов: и биохимический, и физиологический, и психологический, и социологический и т. д. Так в итоге конкретизируется общий тезис о том, что сама природа человека есть продукт истории. Лишь на основе этого тезиса можно раскрыть непрерывность, преемственность, вообще детерминацию психического развития человека.

---

⁵⁴ См.: Б. Ф. Ломов. О системном подходе в психологии.— «Вопросы психологии», 1975, № 2.

ЛИТЕРАТУРА

- Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976.
- Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
- Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.
- Анциферова Л. И. Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974.
- Биологическое и социальное в развитии человека. Сборник статей. Под ред. Б. Ф. Ломова. М., 1977.
- Брушлинский А. В. Культурно-историческая теория мышления (философские проблемы психологии). М., 1968.
- Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
- Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- Ломов Б. Ф. Психологическая наука и общественная практика. М., 1974.
- Методологические проблемы социальной психологии. Сборник статей. Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1975.
- Методологические и теоретические проблемы психологии. Сборник статей. Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1969.
- Общая психология. Учебник для педагогических институтов под ред. А. В. Петровского. М., 1976.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Смирнов А. А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.
- Соотношение биологического и социального в человеке. Сборник статей. Под ред. Б. Ф. Ломова и др. М., 1975.
- Теоретические проблемы психологии личности. Сборник статей. Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1974.
- Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
- Проблемы генетической психофизиологии. Под ред. Б. Ф. Ломова и И. В. Равич-Шербо. М., 1977.
- Укреплять взаимосвязь общественных, естественных и технических наук.— «Коммунист», 1977, № 1.
- Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Под ред. П. Н. Федосеева и др. М., 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

Объективная необходимость теоретического анализа проблемы	5
Природа человека — продукт истории	9
О наследственных предпосылках психического развития личности	16
О соотношении физиологического и психического в наследственных предпосылках развития личности	34
Об общественно-исторических особенностях человеческой психики	50
Два основных подхода к проблеме «природное—социальное» (вместо заключения) , ...	55

Андрей Владимирович Брушлинский

О ПРИРОДНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Заведующий редакцией **А. А. Нелюбов.**

Редактор **И. М. Тужилина**

Мл. редактор **Р. И. Пяткина.**

Художник **Н. М. Константинова.**

Худож. редактор **Т. И. Добровольнова.**

Техн. редактор **Т. В. Пичугина.**

Корректор **Р. С. Колокольчикова.**

А 08793. Индекс заказа 76111. Сдано в набор 15/IX 1977 г. Подписано к печати 1/XI 1977 г. Формат бумаги 84×103/32. Бумага типографская № 1. Бум. л. 10. Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 3,39. Тираж 58 720 экз. Издательство «Знание». 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 1601. Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 11 коп.

